

Николай Захаров

ПЕНА 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Ермолаева
Николай Захаров
Пена 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42874698

SelfPub; 2020

Аннотация

В приключенческой повести (с элементами мистики) описан период нескольких недель лета 1943-го года. Курская область – Огненная дуга. Повседневная жизнь и служба военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной армии. Война – одним словом. Им посвящается эта книга. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	45
Глава 4	69
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Глава 1

Санитарный поезд лязгнул буферами, дернулся несколько раз, закрипев всеми сочленениями одновременно, затрясся, будя всех, включая тяжелораненых и всхлипнув, пару раз, сипло паровозным свистком, загромыхал колесами, набирая скорость.

– Поехали, – свесил стриженую голову с полки вагонной Ленька танкист, слегка подбинтованный – там сям, рыжими от мази Вишневского бинтами. Леньке повезло – остался жив один из всего экипажа. Выскочил из своего люка механика-водителя, чтобы проверить, почему правая гусеница зависла, и машину завертело вокруг собственной оси. Т-34-ый совершенно неудачно подставился боком к траншеям немцев, и это очень не понравилось командиру экипажа – товарищу младшему лейтенанту Воробьеву.

– Чего сидишь, хлеборезкой щелкаешь, сержант? – рявкнул он сзади в ухо Леньке, врезав ему кулаком по шлему. Хорошие шлемы придумали наши конструкторы для танкистов, надежные, противоударные. Толчок получился резкий и если бы не налобник, то Ленька наверняка получил бы травму в виде шишки, а так... даже и не обидно, почти.

– Есть! – ответил Ленька и, дернув шнур-петлю фиксирующий люк, вывалился из машины на броню, привычно извиваясь, там – где нужно. А через минуту он уже докладывал

командиру, сунув чумазое лицо обратно в люк:

— На мину наехали, выбило трак. Кердык, приехали, товарищ командир. Без технички хрен натянем,— Ленька проорал все это в полумрак и успел услышать в ответ команду: — Экипаж, к машине,— а в следующую секунду в борт, под самую башню врезался немецкий снаряд — 88 миллиметровый и, пробив броню, привел в детонацию боекомплект танка. Рвануло так, что башню сорвало с ползунов и швырнуло вверх метров на десять, вместе с душами мгновенно сгоревшего экипажа. Леньку отшвырнуло в сторону, крутнуло пару раз в воздухе и он покатился колом, вспыхнув при этом свечкой. И тут ему опять повезло, удачно прикатился, в полыхающем, промасленном комбесте, в воронку от авиабомбы. Бомба была солидная и ямищу выковыряла — будь здоров, недели две назад никак не позже, потому что на дне ее уже успело образоваться приличное болотце в полметра глубиной. В него и влип Ленька с маху, гася липкой грязью пламя, успевшее подпортить целостность обмундирования и его кожи под ним. Взрыв, грязевая эта ванна, и кульбиты пиротехнические перед ней, настолько ошеломили Леньку, что он потом, как ни старался в медсанбате, а вспомнить не мог, каким образом выползал из воронки. Отрывочно мелькали в памяти звезды россыпью над головой и узкий серпик лунный, то вынырывающий, то снова прячущийся за лохматыми облаками или дымом пожарищ. Еще лицо чумазое вспоминалось с глазами черными на пол лица, что-то шлепающее

беззвучно губами. А уж в медсанбате, получив первую помощь и очнувшись на брезентовых носилках весь в бинтах, как мумия египетская, Ленька впервые в жизни оказался в абсолютной тишине. Это его так удивило, что он даже, превозмогая боль в обожженных кистях, дотянулся ими до лица и содрал с него бинты, заорал в полную силу легких. Вопля этого он не услышал и завертел головой, как Т-34-ый башней, влево и вправо, пытаясь сообразить, куда это он попал в место такое тихое. Справа от себя ничего интересного он не увидел. В серый брезент палатки носом уткнулся, а вот слева много чего и сразу. Обмотки серые на ногах санитара сначала, а потом, когда он мимо прошаркал, то увидел Ленька такое от чего его тут же и стошнило. Культю окровавленную увидел, свесившуюся с носилок. Сквозь бинты сочилась кровь, и культя ритмично стучала по пыльному полу, разбрызгивая ее во все стороны. Ленька заорал, давясь вчерашним сухпайком, выскочившим из желудка и рядом с его лицом кто-то присел, заботливо глядя по голове и вытирая лицо куском марлевой тряпки пахнущей хлоркой. Ленька успокоился и когда марлю с его лица убрали, бинты кровоточащие уже не увидел, а увидел женское лицо в пилотке со звездочкой и двумя косичками, торчащими крысиными хвостами из-за ушей. Лицо сочувственно улыбалось и шевелило пухлыми губами. "Контузило меня", – сообразил Ленька и вспомнил лицо младшего лейтенанта Воробьева, сверкнувшее ему зубами из люка на прощанье. – "Ребята сгоре-

ли. Мишка, Санька и Трофимыч", — мысль эту он, очевидно, озвучил вслух и лицо женское, над ним склонившееся, пере-
косилось в сочувственной гримасе, сморщило носик курно-
сый и все той же марлевой тряпкой, принялось вытирать вы-
ступившие на глазах слезы. — "Жалеет, сестричка", — подумал
Ленька и улыбнулся благодарно в ответ.

— Вот и ладненько, вот и молодец. Лежи спокойно, ми-
ленький. Скоро транспорт придет и повезут тебя в госпиталь.
Повезло тебе, миленький. Ноги, руки целенькие и обгорел не
сильно чтоб. Лицо совсем не пострадало, почти. Ты поспи,
миленький, — услышал Ленька, как сквозь вату, почти угады-
вая слова, на пределе слышимости и обрадовался этому об-
стоятельству так, что у него заурчало в животе.

— Я сейчас тебе каши принесу, — отреагировала как нужно
сестричка и исчезла из поля зрения, а в поле этом опять по-
явились носилки напротив, с той самой культей в бинтах, но
теперь весь этот кровавый натюрморт на Леньку впечатление
произвел не столь стрессовое, как в первый раз. Может быть
потому, что стучать перестал калека, а руку кто-то заботли-
во зафиксировал бинтами. Только слегка дергалось плечо и
Ленька, приподняв голову, разглядел собрата по несчастью,
забинтованного так, что он не понял лицом или затылком
голова его к нему повернута. А в уши полезли звуки, нали-
ваясь силой и эмоциями. Слух явно возвращался не по дням
и часам, а по минутам. Сестричка появилась с миской алю-
миниевой и принялась пихать Леньке в рот кашу гречневую,

приговаривая ласково:

– С тушёночкой, тепленькая еще, кушай, миленький,— и Ленька послушно глотал теплую кашу, не чувствуя ее вкуса, а потом провалился вдруг сразу в дремоту, убаюканный голосом медсестры. Очнулся уже в грузовичке, куда его заволокли санитары на носилках и, потревожив при этом ожоги, разбудили. Ленька взвыл, когда его за плечи и ноги, переложили с носилок на дощатое покрытие, слегка припорошенное соломой.

– Голосистый,— одобрительно прохрипел один из санитаров — дядька с рыжими усами.— Раз орет — значит, будет жить служивый,— поставил он диагноз незамысловатый и, подсунув под голову Леньке солдатский сидор, крикнул сочувственно и присел рядом.— Поехали,— крикнул он, повернув голову в сторону фанерной кабины полуторки.— Полна коробочка.

– Курнешь?— спросил Леньку санитар, несколько минут спустя, заметив, что тот вытаращился в затянутое облаками небо. Ленька мотнул отрицательно головой. Курить ему не хотелось, хотя курил он с детства, но сейчас просто забыл о том, что такая дурная привычка вообще существует.

– Ну, смотри,— философски буркнул санитар.— Аль некурящий?— Ленька опять мотнул головой отрицательно, и санитар понял его, проворчав:

– Бывает. Меня в финскую, когда зацепило миной и кишки вывернуло, так я целную неделю продержался без это-

го зелья. Чуть вовсе не отвык. А потом ни че. Оклемалси,— грузовичок встряхнуло на очередной колдобине и санитар, шепотом матюгнувшись незамысловато, поправил сидор под головой Леньки, скривившегося от боли и прикусившего губу, а потом рывкнул на весь лес, по которому колдыбала полуторка:

— Эй, лапоть сельский, живых людёв везешь ить, паскуда. Сучий ты сын...— в конце санитар добавил непечатно пару десятков слов и в результате этого авто поехало тише и плавнее.

— От жеж, гад. Пока не обложишь семиэтажным, ни хрена не соображат,— удовлетворенно фыркнул санитар, поудобнее пристраиваясь рядом с запасным колесом, на которое медработники свалили кучей различное имущество. В основном сидоры с сухпайками.

Полуторка, скрипя и скрежеща коробкой скоростей, ползла полдня и к вечеру вкатилась на улочки железнодорожной станции, разбитой в пух и прах авиацией.

— Легкие, сами прошу, выгружайтесь,— скомандовал санитар сопровождающий.— Шевелись, шевелись, мужики,— и Ленька, к своему удивлению сел и при этом, схватившись за борт обшарпанный и избитый в щепки, сумел остановить головокружение. Слегка поплыло все вокруг, секунд на несколько и даже уши слегка заложило при этом, но потом изображение вполне прилично прояснилось, и двоиться перестало, выбив при этом и пробки ватные из ушей. Тарахтел

мягко двигатель полуторки, стонали легкораненые сквозь зубы и жалобно в полный голос вскрикивали перемещаемые "тяжелые". Ленка встал на трясущиеся ноги и оглядел себя, на сколько это было возможно. Окинул взглядом ноги в кирзачах с прогоревшими голенищами и торчащими сквозь пропалины портянками, остатки комбеза, местами едва сохранившегося, и натянутого в медсанбате прямо на бинты.

— Красавец,— поставил он сам себе оценку и услышал за спиной голос санитаря:

— А че? Парень ты видный. Я бы свою дочь хоть час засватал. Вона живучий какой, опять ж. Баловень ты, сержант, как ни крути. Одежка вся сгорела почитай, одне погоны остались, а тебе, вижу, как с гуся вода. Через пару недель будешь, как огурец. Верное слово, у меня глаз наметанный.

— Спасибо, папаша,— повернулся к нему Ленка.— Это мы где?

— Да полустанок, мать его... Не помню как название. Эй, Федор, как станция называется?— крикнул санитар и конопатое лицо шоферюги, появившееся над бортом, сообщило, давась зевотой:

— Лесная прозывается. Давай, Алексеич, выгружайтесь шибче и вон в тот лесок. Ждите санитарный. Неделю как нет. Пути вроде немчура разбомбила. Дорожники вона с рельсами на дрезине опять умотали туда. Давай, давай. Мне еще горючку залить надо и обратно в санбат. Эх, сколь народу нынче полегло зазря,— вздохнул Федор сочувственно, зата-

гиваясь самокруткой и выпуская клуб дыма в сторону Ленишки. И ему ужасно захотелось курнуть, так что не удержался и попросил:

– Дай разок дернуть, зёма.

– Травись,— сунул тот ему чинарик, а санитар Лексеич одобрительно похлопал Ленишку легонько по плечу.

– Ну, паря, ожил никак совсем. Может обратно на фронт с нами? Шучу, шучу. Вона волдыри поплыли. Перевязку тебе надоть срочно сделать. Ох, не дай Бог долю такую. Давай помогу спуститься. Ноги трясутся пади, аль ни че?

– Трусит слегка,— признался Ленишка, затягиваясь дымом и вышвыривая окурок за борт.— Ядреный самосадище,— сделал он комплимент Федору.— До селезенки пробрало.

– Махорка и махорка,— пожал тот плечами, исчезая в кабине и глуша двигатель. Наступившая тишина, заполнилась тут же чириканьем птиц и погромохиванием, на пределе слуха, где-то там за верхушками лесными. Фронт, отодвинувшийся на сотню километров, продолжал жить своей жизнью смертельной, перемолачивая живую силу. И Молох этот, напомнив о себе, вызвал на лицах раненых в основном негативные эмоции.

– Фриц наступает, гад,— буркнул Лексеич, помогая Ленишке спуститься из кузова на землю.— Сколь народу еще поубивают, суки.

– Эт, точно,— не стал возражать ему Ленишка, захотевший есть. Организм выздоравливал и требовал пищи.— Пожрать

бы сейчас чего, а Алексеич,— вернул он санитара к реальности.

— Кухня полевая вона дымит. Держи сидор свой. Там все есть че надо. Сухпай на пару дней и все остальное, махра как положено, ну и котелок — само собой. Давай, паря. Сам, вижу, на ногах стоишь. Гребь к кухне. Может обломится чего, если не все приели.

Леньке повезло загрузить котелок гороховым концентратом, горячим и насыщенным тушенкой так обильно, что у него слюнки потекли от запаха уже за пятьдесят метров от кухни.

— В обороне ешь досыта, в отступление так и сяк, в наступление — натошак,— продекламировал повар строчки Твардовского, вываливая в котелок Ленькин черпак.— Поправляйся, болезный. Приятного аппетита,— пожелал он Леньке и тот благодарно кивнув, присел неподалеку на поваленное дерево.

— Соли ежели мало, братцы, то вот в котелке, на подножке,— сообщил повар принимающим пищу легко раненым.

— Сойдет и так за милую душу,— отозвался кто-то.— Хлеба бы добавил а?

— С хлебом напряг, братцы,— извинился повар.— Сухари только есть, мать иху — тыловики. Нагружай, хоть полны мешки. А хлеб по норме приказано, не обессудьте.

— Да чего уж там. Не до жиру. Спасибо и за сухари,— не стали привередничать раненые, а Ленька, зачерпнув первую ложку, подумал,— "Эх, всяко лучше здесь, чем в башне ку-

вырваться",— подумал как само собой разумеющееся и чуть не подавился концентратом, вспомнив вдруг лица родного экипажа. А потом экипаж снился ему каждую ночь, в этом лесу, пока он дожидался отправки в госпиталь. Немец бомбил железку каждый день, сводя на нет все усилия дорожников и лес вокруг станции Лесная заполнялся ранеными все плотнее и плотнее, так что пройти уже по нему стало почти невозможно из-за лежащих людей. Тысячи стонущих, бредящих и кричащих. Вонь гниющей плоти с карболкой и хлором от развешанных по веткам сохнувших бинтов, все это воспринималось Ленькой обыкновенно и он, дисциплинированно заявляясь ежедневно на перевязки в палатку к медсестричкам, сочувствовал им, мечущимся по лесу.

— Ленчик пришел,— радовались они ему, как дети, признав за своего с первого дня и загружая его разной посильной работой по его просьбе. Сидеть без дела было утомительно, а ожоги начали зарубцовываться и уже чесались под повязками.

— На мне все, как на собаке заживало всегда. Может, хватит уже драть бинты с корок?— попросил он на третий день сестричку, но та цикнула на него и еще пару дней Ленька шлялся по лесу следом за ней с медицинскими посудинами весь в бинтах. Зато успел за это время скорешиться с многими полезными людьми и обзавестись новой сменкой и даже сапоги поменять на вполне прилично выглядящие.

— С обувью у нас полный порядок,— обрадовал его стар-

шина из хозвзвода.— Вот с остальным хуже. Вон в той палатке поройся и подбери себе чего по размеру, а за это с тебя кубометр дров на кухню. Повара зашиваются. Три кухни падают круглые сутки. Столь ртов сразу мне кормить не приходилось. Запарился, сержант, как савраска,— посетовал он на свою нелегкую службу.

— Годится,— обрадовался Ленька и, покопавшись в Б.У. через час уже щеголял в почти новом обмундировании.

— Орел,— оглядел его придирчиво старшина.— Вон топор, вон лес, вон кухня. К заготовке дров приступить.

— Есть,— козырнул Ленька и в награду за бравый вид получил кусок портяночной ткани первой категории, такое же полотенце и подшивочные воротнички — пару десятков.

— От сердца отрываю,— протянул ему старшина дополнительное вещевое довольствие.— Учти и цени.

— Служу Советскому Союзу,— щелкнул каблуками Ленька и получил за это еще и новенькую пилотку.

— Давно воюешь?— спросил его старшина, предложив перекурить перед заготовкой дров.

— Два месяца как на фронте. Три танка сменил,— мрачно взглянул на него Ленька, присев рядом с палаткой-коптеркой на пенек.

— Как это?— заинтересовался старшина.

— Обыкновенно. Подобьет немчура, сгорим слегка и машину в тыл, а нам другую и опять в бой.

— И что? "Сгорим слегка" и все живы что ли всегда оста-

вались?— задал следующий вопрос старшина.

— Какой там живы. Последний раз я один только. А первый раз на марше еще накрыло, так там двое нас в живых осталось. С командиром — Воробьем, в тех часть мотались за фрикционами и тормозухой, а немец налетел и жажнул. Парней в клочья, танк в металлолом. А рядом экипаж весь выбило, а машина хоть бы хны. Сели, поехали. Я механик. Второй раз все живы остались. В движок снаряд попал. Слегка трянуло, так что у закидного Саньки половина зубов вынесло, приложился неудачно о складки местности... Испугом отделались. Выползли, отсиделись в окопчике. Ночью тягач уволок в тыл. Движок поменяли и через неделю опять в атаку,— коротко описал свой боевой путь Ленька.

— Три танка...— старшина поскреб затылок.— А вы сколь за это время немецких подбили?

— Не видал пока ни одного,— признался Ленька.— У этих "Тигров" прицельная дальность две тыщи метров, а у нас 500 метров убойная. Подойти не дают. Издаля дырявят.

— Не повезло,— посочувствовал Леньке старшина.— Но все равно ты сам-то везунчик явный. Легко отделался. Нервами одними. Однако, они у тебя в порядке тоже, коль в падучей не трясешься.

— Не трясусь,— подтвердил Ленька.— А что это за болячка такая, товарищ старшина?

— Да ничего такого особенного. Падает боец без памяти и пена изо рта брызжет. Вполне может захлебнуться ей. Без

причины может упасть. Рядом кто-то кашляет громко, к примеру, а он валится в припадке. Тут главное ему вовремя помощь оказать. Положить такого надо на спину, голову на бок и ложку в рот засунуть обязательно,— поделился знаниями старшина.

— А ложку за каким хреном?

— Язык чтобы себе не откусил. Не соображает же ни черта в этот момент боец. Понимаешь?

— Понимаю,— кивнул Ленька.— Спасибо за информацию, товарищ старшина. Пошел я кубометр заготавливать, вечереет уже, а есть хочется, будто три дня голодаю.

— Эт нормально. Молодой потому что,— похлопал его по животу старшина.— Вона, как овчарка поджарый, а рубашку я те дам. Я столько за день не ухочючу, сколько ты за один присест. Выздоровливаешь опять же. Витамины организму требуются.

Неделя в тыловом санбате пролетела как один день и когда поступила команда загружаться в санитарный поезд, Ленька /уже почти от бинтов избавившийся/ даже попытался уклониться от этой команды, обратившись к майору медслужбы, распоряжавшейся на станции.

— Марш в вагон, товарищ сержант,— осадил его она.— В госпитале будете права качать. Со мной этот номер у вас не пройдет. Некогда мне тут вам медосмотры устраивать на предмет годности к строевой службе. У меня без вас дел — выше головы. Брысь.

— Есть,— смирился Ленька и загрузился в вагон, в который велено. Там ему повезло пристроиться на второй полке и даже вздремнуть часок, пока паровозная бригада заливала воду и пополняла запасы угля. Проснулся он от рывков и, свебив стриженую голову с полки, констатировал:

— Поехали.

— Слава Богу,— отозвался лежащий под ним на нижней полке старшина артиллерист с забинтованными ногами.— Проскочить теперь бы с Божьей помощью верст сто, а потом уж глубинка Расеи и туда фрицы не залетают.

— Молись, Раб Божий, чтобы проскочили,— язвительно отозвался с соседней полки лейтенант пехотинец с перебинтованной головой и рукой растопыренной на подпорках и забинтованной до толщины слоновьей.

— Зря вы, товарищ лейтенант, так-то,— ответил артиллерист, выделив слово товарищ явно с умыслом, превратив его в нечто обличающее.

— Да? А я не верю в вашего бога, если. Если я коммунист, то это как?— не остался в долгу лейтенант.

— Это ни как. Не влияет это ни на что,— артиллерист хмыкнул.

— А твоя вера в бога влияет?— буквально взвыл возмущенно лейтенант.

— А моя Вера, мне уверенность придает и в уныние не дает впадать,— отшил его старшина.

— Уверенность говоришь?— усмехнулся лейтенант.— А у

меня и без бога вашего этой уверенности полные штаны. А вот ты ответь мне, человек божий, какого хрена ты тут разлегся тогда? Что же твой бог мимо тебя осколки не пронес? Коль ты в него так веришь, так и посодействовал бы уж тебе – рабу своему верному.

– Эх, лейтенант, пути Господни неисповедимы и Промысел Его высший нам неведом. Значит, есть у Него на меня виды вот через эти раны. Жив же ведь. И теперь видать спишут в запас лекаря. Ногу-то мне правую напрочь посекло. Военврач сказал, что гнутья, теперь не станет. Значит, домой поеду, а там у меня семейство, лейтенант, большое. А руки-то вот целы, так что отвоевался я и не шибко попорченным возвращусь.

– Радуетесь?– скривился презрительно лейтенант.– А по мне так все твои рассуждения – это шкурничество.

– Чего это?– искренне удивился старшина.

– Потому как радуешься,– упрямо повторил лейтенант.– Другие теперь воевать будут, а ты в тылу, рядом с бабой своей отсидишься, в тепле.

– Так я два года без продыху в окопах,– не удержался и возмутился артиллерист.– Два раз в госпиталях валялся за это время. У меня совесть спокойна, что положено, выполнял и не уклонялся, и не бегал от фашиста. Воевал я не хуже других. Ты-то сколь на фронте сам?

– Какая разница?!– заорал лейтенант.– Из училища только месяц назад выпущен и что? А на передовой всего неделю

был. И что? Только я не мечтаю свалиться, как некоторые здесь в тыл под бабский бок. Вылечусь и вернусь в строй.

— Молодца,— ехидно усмехнулся старшина.— Без году неделя на войне, а уже уму разуму всех поучаешь, будто подвигов на совершал, как тот Геракл греческий.

— А я не за подвигами на фронт ехал и не за наградами,— затрясся лейтенант, распаляясь.

— А за каким хреном тогда?— спросил кто-то из соседнего отсека плацкартного. Беседа, ведущаяся на повышенных тонах, привлекла внимание многих.

— Я Родину хочу от немецких захватчиков освободить!— заорал лейтенант.

— А другие что, не хотят что ли?— опять прозвучало из соседнего купе.

— А другие вон богу молятся и мечтают поскорее под юбкой у бабы спрятаться,— обличающе ткнул лейтенант пальцем в старшину.

— А вот тут ты не прав, товарищ лейтенант,— раздался все тот же голос.— Мы с Иваном в одном взводе месяц вшей кормили, и наводчик он будь здоров. Шестнадцать танков на его счету за два года, я знаю. Читал его награды. Это не считая всякой мелочи, типа грузовиков. Да у него наград на весь ваш отсек хватит. Три ордена и медалей десятков, так что не прав ты взводный.

— Да ну?!— не поверил кто-то.

— Вот тебе и ну. Просто Иван не любит выставляться на

показ, а у него еще с финской орден есть и вполне мог бы на фронт не идти – по броне. Доброволец он, товарищ лейтенант. Передовик опять же в своем колхозе и не отпускали его воевать... Так он сбежал ровно мальчишка и воевал как надо. Вы в его сидор загляните, коли позволит, там у него такой иконостас, что впору на колени перед мужиком встать. Так что, товарищ лейтенант, погорячились вы. Вань, предъяви регалии, – в проходе завис над лейтенантом оторопевшим здоровенный парень с погонами рядового и подвязанной рукой.

– Без надобности мне это, – отмахнулся от него старшина. – Обойдусь без почестей. Воевал и воевал. А как – начальству виднее. Награждали – брал, чего же не взять. Дают – бери, бьют – беги.

– Правда что ли? – промямлил сконфуженно лейтенант. – А фамилия ваша как, товарищ боец? – поменял он тон.

– Обыкновенная – Васильев, – представился старшина.

– А это не про тебя в Красной Звезде статья на первой полосе пару недель назад была? Что, дескать, пять тигров завалил? – вспомнил лейтенант.

– Ну, приезжал мужичонка с аппаратом из газеты, – признался Иван. – Все в душу лез с расспросами, едва не вынул. Чуть не зашиб его, каюсь. До чего занудный попался. Да, что, да как? Да что вы чувствуете, когда в танк попадаете? Измотал.

– Так это вам Героя теперь наверняка присвоят, после та-

кой статьи-то,— осенило лейтенанта.— Извините, виноват, не понял я вас. Думал шкура, а вы наоборот выходит,— принялся он извиняться.— А вот Вера в бога эта ваша мне все равно непонятна.

— А чего ее понимать?— пожал плечами Иван.— Верю и верю, никому не навязываю. Вреда опять же никому от этого нет. Польза одна, потому как не злобствую ни на кого.

— Ага, кроме фрицев,— поддакнул ему однополчанин, вступившийся и все еще нависающий над лейтенантом.

— Так и к ним особой нет озлобленности,— признался Иван.— Я их в близи-то и не видал почитай ни разу. Только пленных сколько-то раз мимо проводили. Идут потрепанные, никакие... Так что и злобствовать-то, на таких-то?

— Без ненависти, значит, к ним?— потер подбородок здоровой рукой лейтенант.— А как же "ярость благородная" и все такое?

— Обыкновенно я это понимаю. Слова это красивые, а тут такое дело... Приперлись к нам землю захватить соседи завидущие при оружии, стало быть, бей их и гони вон, пока оружие это не бросят. Вот и все понимание,— усталым голосом произнес Иван. Очевидно, ему уже не раз приходилось говорить это и надоело повторяться.— Устал я от ваших разговоров, хлопцы. Не возражаете, коли вздремну часок?— извиняющимся тоном добавил он.— Аль на награды вам всене-пременно глянуть надо?

— Дорога долгая, успеется,— примирительным тоном про-

изнес лейтенант.— Спи и извини на худом слове. Сам понимаешь.

— Понимаю, товарищ лейтенант,— кивнул Иван, произнеся слово товарищ на этот раз вполне нормально, без ерничанья.— Помогите, братцы, ногу мне левую переложить, не слушается ведь пока акаянная. Но врач обещал, что все обойдется и с костылями долго не придется колдыбать,— улыбнулся он радостной улыбкой, заражая ей всех вокруг.

Глава 2

Ленька, внимательно слушающий разгоревшийся внизу под ним спор, с облегчением вздохнул, поняв, что страсти улеглись, и все закончилось миром. Из всего сказанного он уяснил для себя только одно, прямо под ним лежал полный кавалер ордена Славы, годящийся ему, пожалуй, по возрасту в отцы и однофамилец. – "О, как бывает", – подумал он, получивший фамилию в детдоме и родителей своих непомнящий.

Родился Ленька приблизительно в 1924-м и тут же был подброшен в тряпье к учреждению государственному, занимающемуся окормлением сирот. Случилось это в летнее время и пролежав неведомо сколько рядом с крыльцом в это учреждение, Ленька перенес это первое в своей жизни испытание вполне благополучно и, по словам принявшей его нянечки, "хлопчиком был справным, упитанным, а из имущества имел при себе только крестик деревянный на шнурке с выцарапанным, на обратной его стороне, именем – ЛЕНЯ". Фамилия указана не была и мальчонку внесли в списки казенные под фамилией нашедшей его служащей. Отчество, не мудрствуя лукаво, также вписали по фамилии и появившийся в одночасье новый гражданин Советской России Васильев Леонид Васильевич, поставленный на довольствие в приюте для грудничков, начал расти на благо Отечеству.

Жизнь у Ленки сложилась вполне обычно и ничем от сотен тысяч других не отличалась того периода. Детдом, потом школа рабочей молодежи /ШРМ/ и восьмилетнее образование, полученное перед войной, незаконченное по причине банальной для того времени – посадили Ленку и отправили в места не столь отдаленные на пять лет за разбой.

В те времена былинные Фемида пролетарская, «слепорылая», рубила с плеча совершенно безжалостно. Отправляя на «перековку» и не за столь экзотические прегрешения. Набирал силу Культ личности Иосифа Виссарионовича, и сесть можно было на этот же срок за вульгарное опоздание на рабочее место или прогул. Власть закручивала гайки в преддверии Большой Войны, миазмы которой витали в воздухе. Так что Ленке, можно сказать, повезло несказанно, что в статью соответствующую УК РСФСР не успели внести изменения соответствующие и получил он за групповое ограбление всего "пятерик" по минимуму.

На суде ему сделали скидку на возраст и учли положительную характеристику, выданную заводским профкомом. Ленка и сейчас еще должен был хлебать лагерную баланду, но началась война с Германией и по амнистии он, отсидев всего пару лет, попал в танковую школу в неполных семнадцать лет. Присягу по Закону он еще принимать не имел права до совершеннолетия и поэтому девять месяцев осваивал военную специальность механика-водителя.

По окончании учебки получил военно-учетную специаль-

ность – /ВУС/, звание младшего сержанта, одновременно присягнув и Родине. Летом -42-го он уже загрузился было в эшелон воинский, чтобы отправиться на фронт, но в последний момент несколько сержантов свежее испеченных поступила команда снять и отправить в распоряжение учебной роты, для дальнейшего прохождения службы в качестве инструкторов. Офицеров катастрофически не хватало, и на должности командиров экипажей назначали сержантов. Еще почти год пришлось Ленке проторчать в инструкторах, и только в 43-м весной он наконец-то оказался в действующей армии в звании сержанта. Кубари, ромбы и треугольники в петлицах армия уже сменила на погоны и изменения эти восприняты были личным составом как нечто само собой разумеющееся и особенных дискуссий даже в курилках не возникало. Решил Сталин так, ему видней.

Ленька усмехнулся, вспомнив, за что получил срок и, вот уж тут его счастливчиком вообще-то считать было бы опрометчиво. Ни за что огреб. Если честно, то скорее за недоносительство. Видел, как началась драка, кинулся на вопль дружка: – "Наших бьют", – получил по голове и отключился не вовремя. Очнулся в околотке и там ему быстренько следователь объяснил, что и как нужно подписывать. Нет, не выколачивал из него признания, и Боже упаси, как-то еще помогался, чтобы упечь за решетку. Вполне обстоятельно разложил по полкам все "ЗА" и "ПРОТИВ", убедив Ленку, что лучше сесть за грабеж, чем по статье какой-то мудреной ан-

тисоветской. Как выяснило следствие, группа подростков напала на членов Коммунистического Союза Молодежи, выславших со своего очередного собрания и бурно обсуждающего его итоги. Кто-то кого-то зацепил или на ногу наступил нечаянно, слово за слово и началась драка. Комсомольцы оказались в численном большинстве и хулиганов внесистемных повязали, сдав потом в органы правоохранительные. Так что, как ни крути, а вполне можно было "пришить" политику.

– Пиши, Леонид Васильевич, как советую, всяко получишь меньше, – пожалел его следователь. – Твои подельщики уже раскаялись в содеянном, и правильно все поняли. Поработаете на Родину годок другой, пилой поширкаете и выйдете на волю с чистой совестью, – слукавил, преуменьшив минимальный срок. Но когда Ленька уже в лагере добрался таки в библиотечке до УК РСФСР, то убедился, что все же следак действительно не лгал по большому счету. Получить он с подельниками мог запросто и высшую форму социальной защиты, если бы его не послушали или попали бы они в лапы не столь порядочного служаки, искренне их сопляков пожалевшего.

И все же слова следователя про "год, другой" так или иначе, а сбылись. Как раз два года и отсидел Ленька, попав под амнистию. Кстати, в те времена амнистии были делом обыкновенным и получившие срока по статьям уголовным частенько попадали под них, если не к годовщине ВОСР –

7-ноября, так ко дню Солидарности трудящихся 1-го Мая. Леньке доводилось встречаться с такими счастливицами, которые в совокупности недосиживали столько, что вряд ли им и прожить-то столько было суждено при жизни экстремальной. По сорок лет накапливали, отсидев, с перерывами амнистийными, лет пять.

Ленька вздохнул и, спустившись с полки, прошел в тамбур перекурить. Проходя мимо купе для проводников, с открытой дверью он окинул его взглядом и отметил присутствие там двух женщин в форме с петлицами медслужбы. Уже знакомая ему майор, маленькая и чернявая, лет сорока о чем-то разговаривала с дородной, в звании лейтенанта, отчаянно жестикулируя руками.

– Утром обеспечьте горячую пищу всем, товарищ лейтенант, – донеслось до ушей Леньки и он слегка притормозив, услышал ответную реплику лейтенанта:

– Есть, Вера Сергеевна. А где взять-то на всех?

– Роди, – рывкнула в ответ майор, и Ленька невольно расплылся в улыбке. Совет этот он в армии уже слышал тысячу раз от начальства разного уровня. Универсальностью своей он вписывался во все рода войск без исключения.

– Как? – прогудела басом лейтенант.

– У вас голова или болванка для пилотки, товарищ лейтенант? Думайте. Изыскивайте резервы. Включите воображение. Довольствие мы получим продовольственное только послезавтра утром, а завтрашний день придется обходиться

без него.

– И где я рожу?– всхлипнула лейтенант.

– Здесь и сейчас. И не ныть мне тут,– сурово пресекла проявление слабости подчиненной майор.– Быстро организуйте из санитаров бригаду фуражиров и соберите у бойцов сухпайки, выданные им накануне. У тех, кто еще их прикончить не успел и все в один котел. Разогрев и разнос пищи, я надеюсь, вам не нужно объяснять, как осуществлять?

– Ой, спасибо, Вера Сергеевна. Бегу. А я не сообразила, как рожать. А просто-то как,– вскочила на ноги лейтенант, оказавшись роста богатырского.

– "Ни хрена себе, подруга",– удивился Ленька, шагнув мимо двери и радуясь тому, что кто-то беспокоится о нем и всех остальных. "Соображает майор-то, что и как. Видать не первый эшелон гонит. А литюха зеленая еще. Первый раз, наверное",– сделал он вывод, вываливаясь в тамбур, затянутый дымом так, что лица здесь собравшихся подымить видно было не очень отчетливо.

– И на хера закуривать. Дыши, да и все,– пробормотал он, вынимая все же из кармана кисет.

Голос Ленькин прозвучал неожиданно громко в замкнутом помещении и столпившиеся здесь солдатики, разной степени потрепанности, дружно отреагировали на две его фразы, будто сказал он невесть что остроумное.

– Ха-ха-ха, го-го-го,– колыхнули дымовую завесу, размазывая ее по потолку и стенам.

— А дверь слабо приоткрыть, чтобы проветрить?— спросил Ленька, присаживаясь на корточки и сворачивая "козью ногу".

— А че открывать-то? Стекол вона все одно нет. Неудават вытягивать,— посетовал кто-то сквозь хохоток.— Мы шустрее дымим.

— Орлы,— вынужден был признать Ленька, добавляя свой клуб дыма в общие усилия.

— Ползем еле-еле, за час километров десять всего проехали. Чего тащимся?— проворчал кто-то из курящих.

— Двадцать пять, я по столбам засек, они тут кое-где еще стоят,— уточнил кто-то.

— Ты что тут в тамбуре весь час торчишь что ли?— хмыкнул первый голос.

— В вагоне вонь...— ответил второй голос.

— А здесь-а просто благовония стоят,— подковырнул первый.

— "Здесь",— передразнил второй.— "Здесь" вонь привычная, а "тама" у меня тошнота и рвота сразу начинаются.

— Ишь ты, нежны мы каки. А я-то думаю, кто тут весь пол изгвоздал блевотой. А это вон он ты, значит. Впору лопатой выгребать, мать твою,— не остался в долгу первый.

— А в рыло, ефрейтор,— завелся второй.

— Отставить грязню,— рыкнул командирский голос.— Мать вашу перемать. До станции потерпите, петухи, и там хоть морды друг дружке сверните, а здесь, чтобы тихо мне. Вы-

швырну на хрен в окно, не посмотрю что увечные,— голос принадлежал стоящему рядом с Ленькой верзиле с погонями капитана.

— Прально, товарищ капитан. А вы чей-та с нами в вагоне? Для товарищей офицеров свой вагон навроде как есть,— заискивающим голосом обратился к нему кто-то и Ленька, присмотревшись, удивился, поняв, что голос принадлежал тому самому "первому" скандалисту. Росточка невысокого он прислонился спиной прямо напротив Леньки.

— Куда сунули, туда и загрузился,— отмахнулся от него капитан пехотинец.— Открой меж вагонную дверь, заботливый ты мой. Прав сержант, устроили тут душегубку, мать вашу,— капитан осторожно протиснулся к выходу, и в тамбуре сразу стало вольготнее.

— Во, лось!— восхитился кто-то из раненых курильщиков.

— Гвардеец,— хмыкнул, занявший место капитана первый "скандалист", открывший все же меж вагонную дверь и переместившийся по этой причине на освободившееся место. Лязгающие буфера и сцепка заполнили скрежетом и лязгом помещение тамбура, и разговаривать стало невозможно. А протолкавшаяся через толпу группа "фуражиров" с мешками сухпайков и лейтенантом медицинской службы баскетбольного роста, размазала контингент по стенам, превратив процесс курения в совершенно дискомфортный. Леньке пришлось встать, чтобы его не затоптали в образовавшейся давке и кто-то, прижавшись к нему, так чувствительно по-

тревожил повязки, сковыривая коросты, что он взвыл в голос и, матерясь, вывалился обратно в вагон. И уткнулся прямо в майора медслужбы со змеями в петлицах.

— Повязки шевельнули?— поняла она без слов по заслезившимся Ленкиным глазам и болезненным гримасам на его лице.— Без отравы этой никак не вытерпеть? Ну-ка в мою конуру живо и скидывай гимнастерку. Ох, и дух от тебя,— майор скривилась привычно и затолкала Ленку в свое купе. Гимнастерку Ленка содрал с себя с зубовным скрежетом и затрясся от сквозняка из распахнутого оконца.

— Закрой и не трясись,— подвинула его майор слегка и принялась разбинтовывать кисти рук.

— Пустячные ожоги у тебя, сержантик, и заживают скоренько. Молодец. Только вот мазью этой Вишневого обрабатывать их я не рекомендую, дружок. Полгода будешь маяться, пока присохнет. Есть народное средство им и пользуйся.

— Какое?— простонал Ленка.

— Мочой собственной обрабатывай. Справил нужду на бинт и перевязался. Через неделю все заживет,— улыбнулась ему майор.— Как зовут-то тебя?

— Леонид Васильев,— просипел Ленка сквозь зубы.

— Терпи тогда. Имя у тебя царское. А это не ты вокруг меня на станции крутился, что, дескать, здоров?— пригляделась к нему майор.

— Я.

– Не навоевался?– вздохнула майор.

– Нет... Просто, если здоров, то чего в госпиталь туда-сюда ездить? В медсанбате бы отлежался пару неделек и ладно,– промямлил Ленька.

– Эх, молодежь,– взглянула на него укоризненно майор.– Навоюешься еще. Война, дружок, нынче длинная получилась. Успеешь. Небось, об орденах мечтаешь, сержант?

– Не... я на медаль согласен. Я не гордый,– попытался отшутиться Ленька.

– Медаль? Ну да, в самый раз бы тебе ее из нержавеющей чугуна. Все девки тогда твои на танцульках,– майор закончила перевязку, не пожалев пары новых ИПС – /индивидуальных перевязочных средств/, и затянув узлы бантиками аккуратными, помогла Леньки натянуть гимнастерку.– Свободен, жених,– улыбнулась она ему, выпроваживая из купе.– Про мочу не забудь. Прямо сейчас загляни вон за ту дверцу и воспользуйся советом Веры Сергеевны. Она плохого не порекомендует.

– Спасибо, Вера Сергеевна,– поблагодарил майора Ленька и советом ее тут же воспользовался, заскочив в туалет. Там он чуть не задохнулся от запаха хлорки, которой тут засыпали все помещение и убедился, что вода из соскового кра-на все же течет худо-бедно, а нажав на педаль унитаза, добился выплеска небольшого на мелькающие в отверстиях шпалы.

– Прямо гранд-отель,– буркнул Ленька и, понюхав свои

бинты, скривился брезгливо.— Вах. Вышвырнут мужики в окно за этот букет, если засекут, что от меня благоухание.—

В двери кто-то громыхнул кулаком, одновременно яростно дергая ручку и, Ленька поспешил освободить туалет.

— Что ты там, мать твою, заснул что ли?— рывкнул на него вполне незлобиво санитар преклонных лет в белом халате не первой свежести.— Поберегись, уткой зашибу,— предупредил он, протискиваясь мимо Леньки с посудиной специфической. И из нее в нос шибануло так, что собственный запах Ленькин в сравнении с ним и в расчет принимать не следовало.

— Ни хрена себе,— протер заслезившиеся глаза Ленька и, цепляясь за поручни, побрел в свой отсек.— Хорошо, что лето и окна нараспашку. А зимой здесь каково?— прикинул он.

Полку свою он застал занятой, и конфликтовать по этому поводу не стал, на ней лежал пристегнутый тяжелораненый и Ленька пристроился в ногах у однофамильца, как можно деликатнее переместив его ноги подальше от края к перегородке.

— Не стесняйся, сержант. Пристраивайся,— услышал он голос артиллериста.— Там мне такие шикарные шины примотали, что пулей не прошибешь, хоть ложись. Ей Богу. У тебя водицы нет чуток? Губы сохнут,— попросил он, и Ленька полез на верхнюю полку за своим сидором, в который не забыл сунуть флягу с водой.

— Родниковая,— похвастался он, откручивая пробку.— Не

то, что в сортире... Рыжая.

— Это где же ты, милоч, родник-то сыскал? Что-то никто более не хвастался в санбате про него,— вопрос задал сидящий рядом с лейтенантом рядовой с петлицами пехотными.

— А я при кухне в санбате удачно пристроился и все окрестности обошел. Есть там, в овражке ручеек. Воду-то для пункта хозяйственного довольствия — /ПХД/ на полуторке в бочках доставляли, а к родничку сестрички бинты полоскать бегали. Там все ветки в бинтах на просушке,— Ленька напоил однофамильца и тот благодарно ему улыбнулся:

— Иван Васильев,— протянул он руку.

— Леонид,— пожал руку Ленька.— Тоже Васильев.

— Иди ты... Откуда сам?— обрадовался однофамильцу Иван.

— Из Ленинграда. Детдомовский и родни нет,— не оправдал его ожидания Ленька.

— Это ни че. Заведешь еще свою. Женишься и нарожаешь себе родни, на сколько прыти и терпения хватит,— подмигнул ему Иван.— У меня вон три брата и две сестренки были, а теперь одни племянники да племянницы от них остались. Без войны вымерли при савецкой власти.

— Я, товарищ старшина, конечно, вас уважаю за геройство ваше, но вот что это вы все с подковыркой на Советскую власть. Или не нравится она вам?— не удержался от реплики лейтенант.

— А чего не нравится? Власть и власть. Всякая от Бога и

савецкая тоже. Прибрал Господь братьев с сестрами в двадцатые. И жизнь, и смерть, все в Его ведении, чего уж на власти-то роптать,— попробовал уклониться от очередного спора Иван.

— А Гитлер? Он тоже от бога власть получил?— не унимался лейтенант.

— Эко вы...— вздохнул Иван.— И Гитлер тоже от Бога. Бич он Божий для нас, по грехам нашим.

— Бич? Ну, старшина, ну ляпнул,— рассмеялся лейтенант зло.— Думаешь, что брякнул, не подумав? Гитлер — бич. А по мне так он людоед из людоедов, а не бич. Бич — это такая плеть, которой стегают за провинности и, стало быть, кто-то его держать должен. Так?

— Так,— кивнул старшина.

— И в чьей же руке этот бич?

— Известно в чьей. Сатаны,— не задумываясь особенно, ответил Иван.

— А бог тогда где? Почему Сатану эту не пресекет?— не унимался лейтенант.

— Так ведь пресекает через нас. Аль вы, товарищ лейтенант, все по щучьему велению хотите, чтобы происходило? С Божьей помощью пресекем и ума разума через это наберемся.

— Бесполезно, я вижу, с вами беседы вести,— махнул рукой здоровой лейтенант.— Все к одному сводите, старшина. Куда у вас не сунься, везде бог. А я что-то ни разу его не видал.

Может, подскажите, как его увидеть и промыслы эти самые?

– Повертите головой, кругом все по промыслу и все от Него. Не понятно?

– Не понятно,— упрямо мотнул головой лейтенант.

– Это у вас от лет молодых. Понимание с возрастом вместе появляется, тут я вам не помощник,— опять попытался свести разговор на нет Иван.

– Полная хрень это все,— лейтенант явно завелся не на шутку.— Ученые убедительно доказывают, научно, что нет никакого бога. Есть материя в ощущениях, в разной форме и все. Листал я Библию вашу и плевался в нее. Тупые сказки собраны в ней. Ни уму, ни сердцу.

– Всю прочитал и всю оплевал?— повернул к нему голову Иван.

– Да ее всю никакого терпения прочитать не хватит. Я уж про слюни не говорю. Где взять столько? Вон, какая толстенная книжища,— скривился в презрительной ухмылке лейтенант.

– Ученые говорят?— Иван поморщился и оглушительно чихнув, извинился.— Сквозняков с детства не выношу, сразу на сопли пробивает. Прикрой, Леонид, слегка оконце.

– Да. Ученые. И сопли тут мне свои, старшина, на уши не вешайте. Я фактам привык доверять. И если не докажете убедительно, что есть бог, то так и буду говорить, что вы трепло.

– Хе-хе-хе,— рассыпался вдруг смешком Иван.— А почему

я должен вам доказывать, что Он есть? Я это знаю, потому верю и ни к кому не лезу с Ним в душу. Тут каждый должен сам разбираться постепенно. Я так считаю. А вот, товарищ лейтенант, прицепились ко мне, как репей к собачьему хвосту и уже час почитай долбите, как дятел все про одно. Докажи вам, да докажи. А ведь и докажу. Коль хотите.

— Жду, весь в нетерпении,— аж подпрыгнул на полке лейтенант и скривился от боли в раненой руке, которую очевидно растревожил.

— А все ведь просто очень доказывается,— улыбнулся ему старшина.— Вот это что такое?— дотянулся он до медной солдатской кружки, стоящей на столике.

— Ну, кружка,— буркнул лейтенант.

— Она есть?

— Само собой. Вот же она. Я ее вижу. Я могу ее пощупать,— торжествующе воскликнул лейтенант.— А бога твоего я не вижу и пощупать не могу.

— Хорошо,— кивнул Иван.— А если я сейчас эту посудину в окно вышвырну, и вы ее видеть перестанете и пощупать не сможете, то что, станете утверждать, что нет ее, как и Бога?

— Не стану. Потому что я знаю, что она есть, знаю какая она и все такое, поэтому не стану. Кружка есть, а бога нет.

— Значит, про кружку вы из личного опыта знаете и потому в нее верите?— уточнил Иван.

— Да. А как еще?

— Ни как. Только вот про Бога вы говорите, что нет Его,

а чего нет то? Коль нет чего-то, так как и представить такое можно? А вы спорите так, будто точно знаете про что. Это получается, что вы, товарищ лейтенант, больше чем я про Него понимаете. Я-то не рискну сказать, что Бога познал, а вы вон какой уверенный, что нет Его. А чего нет то? Вот с кружкой понятно, а с Богом как быть? Чтобы что-то отрицать, надо понимать, чего нет. Вот я выбросил, скажем, кружку в окно и можно смело говорить, что ее тут нет, потому как знаем, чего нет. А когда вы говорите, что нет Бога, то, что имеете в виду? Уточните для меня темного?— Иван постучал кружкой себе по лбу и, брякнув ей по столу, взглянул на лейтенанта требовательно.— Ну?

— Ох, хитрец вы, старшина,— вынужден был признать лейтенант.— Только на хитрую задницу есть хрен с винтом. Слышали такую поговорку народную?

— Слыхали,— кивнул Иван.

— Хорошо, что слышали,— опять подпрыгнул, торжествуя лейтенант и, опять скривился от боли.

— Я про того Бога говорю, которого в Библии вашей малюют. Страшилище жуткое.

— И где же Он там страшилищем выставлен?— удивленно приподнял брови Иван.— Я, конечно, не такой грамотей, как вы, но тоже читал писание. Грамоте по нему обучался, вместо букваря. И сколько мне помнится, Бог всегда милосерден, долготерпелив к людям грешным и Он и есть сама Любовь.

– Терпелив, милосерден, любовь? Да он там только и делает, что мучает и наказывает всех. Детишек этих еврейских, за то, что старика-пророка придурковатого дразнили, тысячами жизни лишал. Да он хуже фашистов в этой Библии, – лейтенант обличающе ткнул указательным пальцем здоровой руки в Ивана, будто бы это он лично перебил несколько тысяч детишек в древнем Израиле. – Страшилище он там и не спорь со мной, старшина. Я лучше знаю.

– Прочитал, поплевался и теперь лучше знаете, какой он там описан? Страшилище увидели и оно вам не понравилось, правильно? – Иван с любопытством разглядывал возмущенное лицо лейтенанта.

– Правильно. Нет его, – упрямо набычился лейтенант.

– Ну, так на нет и суда ведь нет. О чем спорить, коль нет? А может быть, товарищ лейтенант, это у вас пока нет? А у меня вот уже есть. И не страшилище. А вашего, который страшилище, точно нет. И не дай Бог, если бы был такой. Такого мы Сатаной называем – Отцом Лжи. Обезьяной Божьей, который промеж нас суетится и все норовит Божье благое обгадить. Только вот, что странно. Почему вам так необходимо доказывать, что нет того, чего нет? Вы верите в то, что Бога нет. И эта вера ваша такая неистовая, что впору на костер за нее или на крест. Даже завидно, ей Богу, – рассмеялся вдруг Иван.

– Темный вы, старшина, хоть и геройски воевали. Потому и не понимаете, что Библию попы древние написали, чтобы

народ в покорности держать. Чтобы не бунтовал, чтобы революции не совершал и грабить чтобы его сподручнее было. Не так скажете?

— Не так, конечно. Кабы не было бунтов, да мятежей, да революций с войнами, так и спорить бы не стал. А так сами в учебниках школьных почитайте. Сколь люди живут, в них описанные, так и все воюют промеж себя и революции устраивают с бунтами. Хоть у нас в Расеи. То Разин, то Пугачев, то еще кто-нибудь во все века баламутил. И где покорность ваша?

— Так это от того, что терпение у людей лопалось. Они же гады, закабалив народы, три шкуры под это дело начинали драть. Вот люди и начинали бунтовать. И что попы? А попы норовили народ утихомирить. Сами почитайте историю. Вечно попы лезли с увещеваниями, а в результате народ потом на плаху волокли. Того же Пугачева казнили принародно.

— Так мы про что тут разговариваем? Про то, что попы плохие, и поэтому Бога нет?— усмехнулся Иван.— Однако, вот я темный, вы светлый, а кружка все равно медная, одинаковая для нас разных. А вот скажите, товарищ лейтенант, вам под бомбежкой приходилось бывать? Когда мессеры сверху пикируют прямо на твой окопчик?

— Приходилось,— поджал сурово губы лейтенант.

— И что? Кого поминали, чтобы мимо пронесло смерть? На войне, лейтенант, неверующих нет. Вот поэтому вы и ки-

пятитесь, что наверняка Бога поминали, когда мессер сверху завывал. Только вы это за слабость свою сочли и теперь лезете ко всем с разговорами. А я, когда под бомбами или минометным огнем в окопчике укрывался, то молился не с перепугу, а потому что веру имею в то, что все от Бога. И даже бомбы эти, коль время мое здесь закончилось. И приму без страха, и паники. И не побегу поэтому, струсив. Так что моя вера мне в помощь. Она от страха первое средство верное. Понимаешь? Если нет, то мне сказать больше нечего. Поговори с кем посветлее моего. А от меня отстань. Утомил верой своей, в то, что нет Бога,— Иван демонстративно отвернул голову от лейтенанта, а тот, щелкнув несколько раз челюстью, поднялся и отправился в тамбур, бормоча себе под нос: — Герой, а дурак — дураком.

— Комсорга на вас нашего нет здесь,— пошутил Ленька.— Вот уж кто одним бы этим Чарльзом Дарвиным вас, старшина, запинал бы. Как заведет на политинформации про опиум для народа, так вся рота в учебке дрыхнет на табуретках без задних ног. А погиб вообще-то геройски. Мне дружок отписал сюда уже. Сгорел литюха в танке. Орден он посмертно Родина выдала. Вот бы вам с кем языками-то зацепиться, а мы бы, с нашим удовольствием, послушали.

— Оно и понятно, скучно вам в вагоне с болячками трястись,— взглянул на него лукаво Иван.— А ты крещен ли сам?

— Крещен — должно быть. Меня мамка моя непутевая к сиротскому дому подкинула с крестиком на шее,— Ленька по-

хлопал себя по груди легонько.— Ношу память мамкину.

— Почему непутевая?— взглянул на него сурово Иван.— Ты ведь не можешь знать всех обстоятельств. Может ее и в живых не стало, а люди посторонние на себя обузу взять не захотели, вот и снесли тебя мелкого в приют. А чтобы не объясняться с властями, подбросили. Однако крест на шее — это, братец, о многом говорит. Мать и отца своих почитать полагается по писанию, только за то, что через них человек в этот мир приходит по Божьему Промыслу. А уж каковы они, не нам судить. Он Судия всем. Все видит, все про всех знает и всем воздаст. А наше дело — жить по заповедям. Вот и вся простота жизненная. Коль сможешь так-то, то и все будет ладно у тебя в ней. Все своевременно. Господь и обстоятельства так составит, что проживешь жизнь интересную, своевременную и полезную для всех. Людям, стране полезную.

— Эх, дядь Вань. Понятно вроде все говоришь. И лейтенант тоже, вроде как, все правильно про Пугачева и попов. Я, видать, еще тоже про Бога ничего не понимаю. Есть, нет ли. А когда мессер завывает, я не про Бога всегда думаю. Мне просто страшно и жалко себя бывает до слез. Было сперва. А потом привык. Чему быть — того не миновать. Рукой махнул. Бойся не бойся, что толку? Если твоя на бошку летит, то верь не верь в Бога — все одно твоя.

— А вот тут ты не совсем прав, Лень,— Иван повернул к нему лицо.— У меня сколь раз уж было так, что моя вроде, несомненно, а она раз и не моя. Я перед боем всегда молит-

вы творю и прошу Господа не погубить раба Божьего Ивана, потому как дома детишки ждут и их еще мне следует воспитать, в люди вывести и внуков еще от них дожидаться. Так и прошу всегда, внуков поминая. И сколь раз уж так было, что всю прислугу в расчете выбьет немчура, а я хоть и побитый слегка, а жив курилка. Два года уж так-то. Теперь-то, конечно, спишут в запас и я с чистой совестью в тыл еду. Да и устал до смерти.

– А чего такого было, что сразу про Промысел можно подумать?– спросил, не утерпев, Ленька.

– Обыкновенное все. Бомба как-то прямо в окопчик рухнула. С меня размером, кило на сто. Как хряснет за спиной. Оборачиваюсь, а она всю траншею перегородила, растопырилась стабилизаторами. Мужики все от нее врассыпную,– Иван рассмеялся.– Саперы потом примчались, обезвредили. Очень на ней сидеть удобно потом было. Вроде лавочки пригодились.

– Видать боеголовка бракованная оказалась или эти... антифашисты подпольные на заводе военном Рейху подгадили,– предположил Ленька.– Бывает.

– Я с сапером про это разговаривал, так он руками развел. Не сработал взрыватель от удара. Вроде как земля рыхлая, то се,– пожал плечами Иван.– А мы эту "рыхлую" задолбались ковырять лопатами, чисто гранит. Камень на камне, куда ни ткни. А эта чушка на шесть пудов в нее вгрызлась, как в пуховую подушку. Так она зараза рядом со мной полдня

торчала потом, пока саперы заявилились.

— Так разбежались же все, а вы что же?— не понял Ленька.

— А мне нельзя. Я вроде как при ней за часового остался,— улыбнулся Иван.— Погода опять же испортилась, дождь со снегом пошел и Люфтваффе уgomонилось. А чушка эта теплая, ну я и подумал, что коль сразу от удара не сдетонировала, то чего ей опосля взрываться в неподвижности. Плащ-палатку накинул поверху, привалился и спину прогрел. Холодрыга же начиналась, а блиндажики еще отрыть не успели. Зуб на зуб не попадал. Только пригрелся, саперы приперлись.

— Ну, ты дядь Вань... Слов нет, как умеешь загигать,— воскхитился Ленька.

— А че мне загигать?— насупился Иван.— Ты, племянничек, руками своими перебинтованными размахивай не так шустро, поаккуратнее. Два раза уже по ноге приложился чувствительно. Я хоть и похвастался, что хорошо их подбинтовали, но кулачищи у тебя все равно куда как ядреней против этих шин.

— Ох, извини, дядь Вань,— покраснел Ленька и отодвинулся слегка ко краю полки.

— Да сиди, только за руками следи. Машешь ровно крыльями,— остановил его за локоть Иван.

Глава 3

Отто Киттель – обер-лейтенант Люфтваффе из знаменитой авиа-эскадры "Мельдерс", внес достойный вклад в историю своего подразделения, записав 4-х тысячный самолет противника на его счет в этой войне. И таким образом став известным летчиком. "Экспертом" в Третьем Рейхе.

Лично сам Фюрер вручил ему Рыцарский крест с дубовыми листьями и с бриллиантами в октябре 1943-го и юбилейное число, надо думать, сыграло в этом немаловажную роль. Хотя на тот период, в начале 1943-го личных побед у Отто было всего 59-ть.

Впрочем, в начале войны с СССР летчики Люфтваффе получали кресты Рыцарские и вовсе всего за двадцать побед, но затем количество стали увеличивать бюрократы ведомства Геринга в связи с тем, что количество сбитых русских самолетов, доказанных несомненно, зашкаливало за все разумные пределы. Двадцать побед летчик асс мог одержать за неделю боевой работы. И награда девальвировалась, а этого допустить ведомство никак не могло. Поэтому планку приподняло.

Теперь требовалось не менее 50-ти побед, чтобы нацепить на мундир крест. Отто повезло еще и погоны фельдфебельские на лейтенантские поменять. Генерал-инспектор Вернер Мёльдерс – "Папаша" – человек-легенда, первым в

Люфтваффе одержавший сотню воздушных побед и в честь которого названа была эскадрилья, мог бы гордиться и позавидовать Отто Киттелю, если бы не погиб в авиакатастрофе в ноябре 1941-го.

Получив новенькие погоны лейтенанта и крест свой первый, Отто как с цепи сорвался и к весне 1943-го года уже догнал легендарного комэска по числу сбитых самолетов противника. Пересев с Мессера на Фокке-Вулф-190А-5 он вылетал на "свободную охоту", совершая до пяти вылетов в сутки и одних только "мебельный фургонов" – Mebelwagen – русских бомбардировщиков, уничтожил до 50-ти машин.

Free Jagd – свободную охоту Отто обожал и его Rotte – пару, с удовольствием пиарили средства массовой информации. Эксперт – это ас из асов. Впрочем, в Люфтваффе летчики такого звания как ас неформального и не знали. Стать Экспертом – вот мечта любого летчика, а для этого нужно одержать как минимум сотню побед в воздушных поединках. "Счастливчик" Отто к октябрю 1943-го уже имел на хвосте своего фоккера 150-ть пометок о победах и крест Фюрер повесил ему лично на грудь вполне заслуженный.

Но не всегда везло и "Счастливчику", бывали и у него черные полосы, ширины такой, что впору впасть в уныние. Однако Отто обладал тем самым "нордическим, стойким характером", человеком был серьезным, спокойным и, пожалуй, даже медлительным, поэтому черные полосы переносил соответственно.

Вот и тринадцатое июля 1943-го как-то не задалось у него с самого утра. Летчики, как известно во всех армиях мира, не исключая и советскую, народ суеверный и в приметы верят как дети, порой в совершенно глупые и глупые же ритуалы совершая для того, чтобы их действие негативное нейтрализовать. Плюют через плечо, увидев черную кошку и, шарахаются от женщин с пустыми ведрами. А уж если перед вылетом рядом с вашей машиной кто-то навалил кучу фекалий, то и к бабке-гадалке не ходи – жди на голову хорошую порцию дерьма. Плюй не плюй... все одно получишь. Отто на всякий случай все же постучал костяшками пальцев, за неимением дерева под рукой, по голове скучающему рядом с фоккером часовому.

На что тот не обиделся, так как куча эта фекалийная появилась исключительно по его недосмотру. Наоборот радовался рядовой шутце, что добрый и спокойный попался летчик. Другой бы, на его месте, и в рожу въехал за подобное непотребство.

– Это наверняка Хиви русские нагадили, – попытался оправдаться часовой, получив по каске пару ударов кулаком, после того как обер-лейтенант буквально ткнул его в кучу фекалий носом.

– Какие русские? Где? Что ты несешь? – Отто брезгливо поморщился и, сплюнув, распорядился:

– Из-под шасси, ко всем чертям, убрать. Быстро, быстро.

– Яволь, – завертел головой часовой.

– Что ищешь?– замер перед ним Отто, взглянув на часы. До вылета оставалось десять минут.

– Хиви, чтобы убрали, герр обер-лейтенант,– преданно замигал рыжими ресницами часовой.

– И где же они?– оглянулся по сторонам Отто.

– Минуту назад здесь боезапас разгружали, а теперь вон они,– указал часовой в утренний туман, снизивший видимость до десяти метров и задерживающий боевой вылет.

– Ты, сквозь туман видишь, шутце?– дошло до Отто.– Бегом марш и чтобы через пять минут эти свиньи прибрали здесь свое дерьмо,– часовой снова рывкнул:

– Яволь,– и растворился в утреннем тумане, из которого появился через минуту, подгоняя прикладом винтовки действительно русского, судя по потрепанному обмундированию. И вольнонаемному, судя по белой повязке на рукаве с надписью "In dienst der Deutsches Wermacht"– На службе Немецких вооруженных сил.

– Hilfswillige,– отрекомендовал русского часовой и пинком загнал его под колеса самолета.– Убирай, Иван. Это ты, свинья, тут нагадил или твои свинские дружки.

Русский, загнанный пинком под фюзеляж, согнулся в три погибели и пытался понять, что от него хочет "фриц", не понимая немецкого.

– Вот свинья,– огорчился часовой и полез за голенище, вынув оттуда солдатский разговорник. Полистав его, он составил, по его мнению, вполне подходящую фразу:

– Ты есть свинья, хрюшка. Взять этот куча не отшень хороший, плёхой отшень и прибирать, пожалуйста. Понятно?– русский попался понятливый, кучу непотребную убрал подручными средствами и получив одобрителный пинок подтощий зад кованым сапогом, убежал в туман, продолжать нести службу на благо Третьему Рейху и его Фюреру Адольфу Гитлеру, присягу которому принял несколько дней назад.

И все же осадок на душе остался горький у обер-лейтенанта Люфтваффе и предчувствие его не обмануло. Во-первых, туман провисел чуть не до обеда, мешая героически увеличивать личные достижения, а во-вторых, когда он все же вырулил на взлетно-посадочную полосу – /ВПП/ и поднялся в небо, то сразу почувствовал некоторый дискомфорт. Кабина, выкрашенная изнутри в черный цвет и довольно хорошо продуманная гениальными конструкторами, имела оригинальную систему вентиляции. Оригинальную и надежную, как все что изготавливают немцы, но вот сегодня именно она преподнесла неприятный сюрприз, слегка увеличив температуру внутри кабины. Отто взглянул на датчики и присвистнул удивленно. За бортом полыхало русское лето, необычно жаркое в этом году, а в кабине было не прохладно, как полагось, а на пару градусов выше, чем снаружи.

– Плюс тридцать,– скривился недовольно Киттель и, помянув черта, понял, что это и есть то самое "дерьмо", которое непременно должно было вывалиться на его голову.

– Шайзе,– проворчал Отто и доложил по радио на КП о

случившейся у него неприятности.

На КП минуту посовещались руководители полетов и задали вопрос:

– Стабильно 30-ть, или есть тенденция к увеличению?

– Стабильно,— доложил Отто, с тоской отметив, что стрелка буквально на шкале замерла, как приклеенная.

– Продолжайте полет,— приняли решение на КП и Отто, сплюнув, вынужден был ответить:

– Яволь,— помянув опять про себя черта. И эта бестия с рогами и хвостом, похоже, услышала и завертелась вокруг Отто, прикинувшись для начала обыкновенной русской осой.

– Тебя мне только тут не хватало,— отпрянул от мелькнувшим перед его лицом насекомым Отто и, изловчившись, попытался размазать шельму на плексиглазе перчаткой. Но оса оказалась шустрой и Отто, промахиваясь раз за разом, сумел прибить ее героическими усилиями только на двадцатой попытке.

– Хорошо,— улыбнулся довольно Отто, обрадовавшись, что ему удалось наконец-то одержать эту маленькую победу.— Проще русского Ивана сбить,— хмыкнул он и вытер пот со вспотевшего лба. А взглянув на индикатор температуры, понял, что рано радуется. Стрелка на шкале, пока он воевал с осой, успела подскочить к 35-ти градусной отметке и опять торчала на этом показателе, как приклеенная.

– Если такая тенденция сохранится, то придется разоб-

лачаться,— Отто расстегнул лётный комбинезон, на сколько — это возможно, и принялся протирать запотевшие стекла кабины, чертыхаясь. Сдержанность и спокойствие его тоже имели свои пределы. Оглянувшись на следовавшего за ним в паре "качмарика" Ганса Шредера и перекинувшись с ним парой фраз, Отто посетовал на душегубку, в которой оказался.

— Сочувствую,— отозвался Ганс из такого же Фокке-Вульфе 190-А5-го, прозванного в Вермахте ласково "Убийцей".— У меня норма,— отрапортовался ведомый.

— Доннер Веттер. Шайзе,— буркнул ему в ответ Отто и, сверившись с полетной картой, напомнил:— Выходим на 4-ре тысячи с юга за населенным пунктом Щигры. Ну и названия придумали русские. Интересно, что оно означает?

— Не знаю, Отто. Я русский язык не изучал. Зачем?— отозвался Ганс.

— Я тоже не учил, но с тобой не согласен. Придется учить теперь. Язык врага знать полезно.

— Это пехоте полезно может быть. Гренадерам с русскими приходится вплотную соприкасаться, а нам-то это для чего?— возразил Ганс.

— Нам, чтобы разговоры их в эфире слушать и понимать чего хотят,— выдвинул вескую причину Отто.

— Разговоры по радио? Ха-ха...— Ганс не удержался от смеха.— Я их разговоры и без особенного изучения языка понимаю. Матерщина сплошная. А ее мы уже всю выучили.

— Думаешь всю?— хмыкнул и Отто, вытирая пот, струя-

щийся по лицу.

— Всю, не всю, а в основном освоили. Я их переговоры вполне понимаю,— донеслось из наушников, и Отто решил, что спорить с "качмариком" на эту тему не время и не место, долго и бесперспективно получится. Поэтому качнул крыльями и начал набирать высоту, выполняя отработанный маневр.— "Делай, как я". В паре с Гансом он совершил уже не один десяток вылетов и "качмариком" был доволен. Парень понимал все с полуслова и нареканий пока не вызывал.

Фоккер взвыл, набирая высоту, и когда он прорвался к солнцу через пелену облачную, у Отто по спине побежали мурашки. Вывалилась пара из облаков просто очень неудачно. До безобразия фатального, прямо по курсу перед парой десятков русских штурмовиков.

— Ганс, разворот на юг и уходим в облака,— скомандовал Отто, выполняя разворот и пытаясь уклониться от столкновения с превосходящими силами противника, который, разумеется, уже заметил пару охотников и начал пристрелку трассерами в их направлении. ФВ 190-А5-ый, повинувшись его воле, завалился на крыло и из прицелов Мигов исчез так же внезапно, как и появился, так что они слегка обстреляв довольно продолжительные и кудрявые вереницы облаков, гоняться за парой не стали, предпочитая продолжить выполнять какую-то свою боевую задачу. И Отто, вынырнув через десяток километров из пелены кисейной, убедился, что на этот раз маневр им предпринятый удался вполне.

– Ганс, идем прежним курсом на Щигры,– связался он с ведомым и не получив от него ответ, оглянулся. Оглянулся, чтобы убедиться визуально в отсутствии "качмарика" за спиной.

На положенной дистанции Отто его не обнаружил и, сделав полу-разворот, увидел Фокке-Вульф Ганса заваливающимся в штопор.

– Что за чертовщина? Ганс!– заорал Отто, поняв как-то вдруг, что ведомого у него только что случайно завалили русские, обстреливая облака. И попали так удачно, что самолет валится совершенно без дыма, а это означать может только одно, еще и, судя по радиомолчанию – пилот выведен из строя и, управлять машиной не в состоянии. Убит – скорее всего.

– Га-а-анс,– простонал Отто.– Шайзе, шайзе, шайзе!!!– потев от жары в кабине и бессильной ярости, лейтенант Киттель стиснул зубы и, доложив на КП о потере, развернулся над этими непонятными русскими Щиграми, обстреляв из пушек "Эрликон" подползающий к ним воинский эшелон. Прошелся на бреющем от паровоза до хвоста, нещадно расходуя весь боекомплект. И зря поддался эмоциям, потому что на выходе из пике, краем глаза слева заметил заходящие ему в хвост два русских Мига. Набирать высоту – терять скорость и маневренность, значит подставиться и Отто, прижавшись к земле, попробовал уйти на минимальной высоте, используя преимущество в скорости Фокке-Вульфа. Только

день у него с утра не задался и вставший по курсу стеной лес, заставил его набирать высоту и терять скорость.

В итоге два ноль в пользу русских. Расстреляли, как в тире. Пиропатрон сработал вполне исправно, отшвыривая стекло-колпак и, Отто вывалился из кабины задымившего Фокке-Вульфа, опасаясь того, что высоты окажется недостаточно для того, чтобы успел раскрыться парашют. Но, очевидно, та самая порция дерьма, отмеренная Провидением на его голову в этот день себя исчерпала, и он вполне благополучно приземлился на лесной полянке. Слегка ногу левую зашиб, не рассчитав из-за высокой травы, где там почва и попав ей на камень притаившийся, а в остальном вполне терпимо.

Освободившись от строп и собрав в охапку парашют, Отто прижал его к земле тем самым камнем, чтобы его не сразу обнаружили при прочесывании русские, и поспешил покинуть место приземления, сориентировавшись по солнцу и захромав на юго-запад. Сбивали Отто не впервые, но приземляться на территории занятой противником ему приходилось до этого всего один раз. Несколько раз удачно высаживался на контролируемой Вермахтом и пару раз дотягивал на поврежденном аппарате до своего аэродрома.

– Сотня километров до линии фронта – не тысяча и даже не двести, – успокоил сам себя Отто, проверив наличие НЗ и убедившись, что шоколад и галеты имеют место быть. Собачий лай, за спиной раздавшийся, оптимизма ему мгновен-

но поубавил и Отто прибавил скорости, подхватив удачно попавшуюся на глаза хворостину. Обломав ее поудобнее, по росту, Отто захромал, морщась дальше, роясь в ранце с НЗ в котором, как ему помнилось, для подобных случаев, интендантами предусматривалось средство, отбивающее собачий нюх. Нашел, вскрыл поспешно и принялся экономно посыпать порошок вонючий, рыжего цвета, на свои следы. Хватило метров на сто и Отто, злорадно ухмыльнувшись, пересек лесной ручеек. Напившись и сполоснув лицо проточной водой, он разулся, закатал штанины и метров пятьсот прошел по ручейку, который промыл свое русло удачно в юго-западном направлении и выше колена ни разу не поднялся.

Заросшее травой дно слегка вязкое, тем не менее позволяло перемещаться вполне с приличной скоростью, а холодная вода, остудила припухшую ступню и Отто, улыбаясь идиотской улыбкой, слегка расслабился, за что был тут же наказан. Складки местности преподнесли сюрприз неприятный в виде ямы на пути стока воды. Влетел в нее Отто на полном скаку и даже хлебнул от неожиданности пару литров воды родниковой открытым ртом. Выскочив из ямищи, метра два глубиной и выбравшись на топкий бережок, Отто проплевался, отдышался и оглядевшись, принял решение единственно верное – срочно просушиться. Откладывать претворение в жизнь эту замечательную идею он не стал и живенько принялся стаскивать с себя мокрое обмундирование, развешивая его тут же в десятке метров от ручейка на ветки.

Солнце стояло в зените, припекало и Отто, привалившись спиной к березке, перекусил на скорую руку. Воду из фляги аварийной он без сожаления вылил, заменив ее на родниковую. А затем вполне прилично утолил голод галетами и шоколадом. Прислушиваясь чутко к звукам лесным и не услышав собачьего лая или визга, Отто совершенно успокоился и принялся прикидывать все "за" и "против". Направление движения ему известно, только вот есть тут масса неприятных факторов и первый, он же самый главный – это то, что в этих местах русских солдат, как тараканов.

Глубоко эшелонированная оборона со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. Он действительно счастливчик, раз ему удалось приземлиться в почти нетронутом ими лесочке. Но то, что купол его парашюта, видели сотни глаз – несомненно. Собак он со следа сбил, а стало быть, противник наверняка увеличит количество людей брошенных на его поимку. Роты солдатиков для этого вполне достаточно. Тупо прочешут пару десятков гектаров цепью и обязательно наткнутся на отдыхающего пилота.

– Сидеть нагишом и ждать пока Иван штыком в зад ткнет – это не очень хорошо, – Отто вскочил на ноги и принялся лихорадочно облачаться в полусухую одежду. С трудом натянув ботинок на распухшую ступню, он невольно выматерился по-русски, так как из родного словарного запаса все бранные выражения не способны были погасить те эмоции отрицательные, которые захлестнули его сентиментальную арий-

скую душу. Матерщина помогла, успокоив своей конкретизацией убойной, и Отто захромал дальше, пугливо прислушиваясь к подозрительным звукам и шарахаясь от каждого куста.

И наконец ему, кажется, повезло, вышел на опушку лесную, в которую упиралось хлебное поле с колосящейся злаковой культурой, в которых Отто не разбирался. Совершенно не комплексуя по этому поводу, он пополз по этому полю все в том же юго-западном направлении, сверившись по компасу. Проползя метров триста и оказавшись на противоположном конце поля, Отто уткнулся в степной овраг, пересячь который в дневное время суток оказалось невозможно. Хитрые «иваны» использовали его для различных надобностей, затянув масксетью и приспособив под дислокацию тыловых служб различного назначения.

Отто опять повезло, что остался незамеченным, успев уползти обратно в поле злаковое. Здесь он замаскировался, как мог, напихав колосьев во все щели обмундирования и притих, оценивая обстановку и вникая в нее. В небе над головой Отто проносились самолеты сотнями в разных направлениях и, схлестываясь в скоротечных стычках, разлетались как осенние листья, подгоняемые порывами ветра. Сыпались с воем, и земля вздрагивала, принимая очередной удар от своих беспутных детей с крестами и звездами на фюзеляжах. Гремела за горизонтом артиллерия и в овраге проклятом в полный голос переговаривались русские все на том же, таком

понятном Отто количестве слов.

— Шевелись, славяне, мать вашу,— орал кто-то хриплым голосом, повелительно и истерично.

"До чего ушлый народ",— подумал Отто, обратив внимание, что овраг замаскирован от авиации пролетающей прямо над ним так вдумчиво, что сливался с полем абсолютно. Натыканные в сеть колосья, торчали исключительно вверх, и ветер гнал их волнами как живые, рядом торчащие в почве",— сколько раз я над этим местом пролетал? Раз сто ни как не меньше и ведь ничего не замечал. Как вот с ними воевать такими хитрозадыми?"— Отто зло сплюнул, и ему до озверения захотелось курить. Пачка сигарет у него в кармане имелаась и зажигалка тоже, но дымить рядом с оврагом он не осмелился,— "А как у них кухни замаскированы? Ведь там без дыма ни как не обойтись?"— подумал он, и осторожно приподняв голову над колосьями, принялся озираться по сторонам. Кухонных дымков обнаружить не сумел и пришел к выводу, что где-нибудь в лесу они укрылись, а термоса перемещают полем в темное время.— "Мне бы через овражек этот перескочить ночью, и успеть поближе к передовым линиям подобраться. Потом денек опять пересидеть и снова рывок. Ночи за три доберусь, если не нарвусь",— прикинул свои шансы Отто.— "Мы наступаем, русские злые сейчас. Пристрелят к чертям. А к пилотам Люфтваффе у них отношение вообще самое недоброжелательное, у дикарей. Порвут в клочья, без суда. Пока никто из сбитых над терри-

торией контролируемой русскими не возвращался обратно. Как с того света. Это о многом говорит. Расстреливают, в лучшем случае. А может, что и похуже с летчиками вытворяют",— Отто не удивился бы, если бы узнал, что четвертуют или живьем в смолу кипящую бросают.

"Большевики, комиссары, жида, чего от них хорошего ожидать?"— Отто затаился, услышав совсем рядом голоса. Кто-то на кого-то орал грубым голосом, а в ответ второй голос явно оправдывался. Понимая только русскую матерщину и пару десятков расхожих слов, Отто не понял, о чем ведется беседа. Понял только, что начальник-большевик явно, распекает подчиненного ему солдатику.

— Есть, отправить на кухню четверых с термосами за обедом, товарищ капитан,— рявкнул "большевик".

— И не орите вы так, товарищ старшина, пожалуйста,— жалобно блеял "подчиненный".

— Виноват, товарищ капитан,— рявкнул опять "большевик".

— Вот правильно в народе-то говорят, что горбатого могила исправит,— стонал "подчиненный".— Исчезните с моих глаз, товарищ старшина, сделайте одолжение.

— Есть!— рявкнул "комиссар-жид" и разговор на этом прекратился.

"Крупный видать чин с инспекцией тут разгуливает",— сделал вывод Отто и перекрестился. В прошлый раз, когда он совершил вынужденную посадку на территории контролируемой большевиками-комиссарами, ему повезло больше,

чем в этот раз с самого начала хотя бы по тому, что тогда он сел на брюхо за линией фронта, которая не была стабильной и оборона там, у русских не была столь глубоко эшелонирована.

Повезло еще Отто тогда в том, что поле, на которое он плюхнулся, несколькими днями ранее было полем боя и Мессершмидт Bf-109, на котором тогда воевал фельдфебель Киттель, проскрежетав фюзеляжем по его неровностям, завалился крылом в ход сообщения. В него и выскочил Отто. И ему повезло сразу наткнуться на полужасыпанный блиндаж, который не успели почистить мародеры-трофейщики. Киттель не побрезговал и сдернул мундир с первого же подвернувшегося ему под руку покойника – рядового гренадера и без сожаления расставшись со своим летным комбинезоном и мундиром фельдфебельским, пробирался потом почти две недели к своим.

Пришлось и поголодать изрядно, так что притащился, едва волоча ноги от слабости. Нарвался, правда, в самом конце на идиота часового, который с перепугу чуть его не пристрелил, когда он свалился в траншею прямо ему под ноги. Промаяхнулся с трех метров шутце, продырявив выстрелом штанину, а потом получил в челюсть от своего взводного лейтенанта и на этом тогда страдания Отто закончились. С лейтенантом он успел за два часа подружиться, пока ждал транспорт попутный в свой полк. И даже выпить с ним на брудершафт по 200-и грамм спирта.

Лейтенант оказался родом из Мюнхена и по-свойски обняв Киттеля за плечи, битый час уверял его, что лично с Фюрером случилось, сиживал в пивной Бюргербройкеллер.

— Не веришь? Это так же верно как то, что я Карл фон Лорингхофен, а Фюрера видел вот так как тебя сейчас, в упор. Руку мог протянуть, чтобы пощупать,— грохнул Карл кулаком по снарядному ящику, заменявшему в блиндажике командирском стол.

— Верю. И какой он фюрер, когда его щупаешь?— спросил Отто, которому 200-грамм спирта на голодный желудок, основательно убавили рассудительности.

— Как-кой? Он тогда еще был такой...— лейтенант выписал кистью левой руки в воздухе замысловатую кривулину...— Это потом в кино его стали показывать. Я сразу и не узнал в мундире. А тогда в Мюнхене я мог его пощупать. Сейчас не пощупаешь.

— Сейчас он в Берлине,— согласился с ним Отто.

— Кто?— уставился на него осоловело лейтенант.

— Фюрер,— напомнил ему тему разговора Отто.

— А мы в заднице. Го-го-го. Он в Берлине, а мы в заднице,— рискованно сменил курс лейтенант.

— А я верю в нашу победу над большевиками,— попытался вернуть его в патриотическое русло Отто.

— И я верю,— взглянул на него совершенно трезвыми глазами лейтенант.— Разве я утверждал, что не верю в нашу победу?

– Вы сказали, герр лейтенант, что мы "в заднице",– осторожно процитировал его же слова Отто.

– Ты вот что, Отто, это прекрати. Мы на брудершафт выпили? Выпили. Так за каким чертом ты меня герром называешь? Я – Карл. Карл. Повтори.

– Карл,– послушно повторил Отто.

– Ты еще молодой, а мне уже сорок пять и я помню ту первую Большую войну, когда вся Европа воевала, как и в это раз. И Германии тогда навалили так, что вспоминать не хочется. Тогда тоже мы воевали с Россией и победили ее. Мир русские запросили с их Лениным. Самый главный у них тогда он большевик был. Все подписал этот Ленин, а в результате мы – немцы едва ноги из этой России унесли. Что за народ здесь живет! О Боже!– схватился за голову лейтенант.

– Свины,– подсказал ему Отто.

– Кто свиньи? Русские?– уставился на него лейтенант.– Ох, молодой ты и неопытный Отто. Свины. Они не свиньи. Они иногда притворяются свиньями. Притворяются. Верь мне,– Карл снова грохнул кулаком по столу.– Они не свиньи, Отто. Они солдаты. Все. Бабы ихние, дети, старики и даже старухи ветхие. К ним, Отто, никогда нельзя поворачиваться спиной немцу. Никогда. Запомни. Даже, если русский стоит на коленях и просит о милосердии. Не верь ему, Отто. Застрели лучше, но упаси тебя Бог повернуться к такой старушечки спиной. Она тут же выплеснет тебе на голову чугунок с кипятком или ткнет вилами в задницу.

– Позволь возразить тебе, Карл,– не согласился с лейтенантом Отто.– Я на восточном фронте уже год и видел всяких русских. Согласен, что есть фанатики-большевики, но есть и вполне обычные люди. Которые хотят, прежде всего, жить, жрать и совокупляться. И если это предоставить, то им все равно, кто ими управляет. Мы – немцы или жидаы – комиссары.

– Обычные. Хе-хе-хе,– плеснул в кружку очередную порцию спирта из фляги Карл.– А почему тогда кипятком ошпаривают немцев ик-ихние старушки? А?

– Какие старушки?– Отто, зацепил свою кружку и, проглотив теплый спирт, запив его водой, принялся закусывать бутербродом с тушенкой.

– Всем старушкам старушка тут нам попалась неделю назад,– многозначительно взглянул на него лейтенант.– Тут, рядом совсем жила. Я послал двух фуражиров в соседнюю деревушку продовольствие закупить на марки. Нам их мешками завезли. Солдатики вернулись ни с чем. Одному в задницу вилы старушка воткнула, а второго ошпарила так, что пришлось в госпиталь отправить. Гроссмутер эта... О-о-о!– лейтенант выпил спирт и, постучав себя по груди, выдохнул.– Майн Гот.

– Может, вели себя как-то неделикатно фуражиры?– попытался заступиться за престарелую фрау Отто.

– Я тоже сначала так подумал и провел расследование. Свое, личное. У меня во вверенном мне взводе я и труппен-

фюрер, и гестапо, и полевая жандармерия. У меня покойники правду рассказывают. Ты сам послушай, очевидца. Да, да того самого, которому в задницу вилами. Этому повезло, рука у фрау оказалась не столь могучей, чтобы глубоко расковырять его зад. Так что служит по-прежнему. А как же? Если я каждого фуражира стану отпускать в Рейх на излечение по таким пустяковым причинам, то у меня во взводе останусь через месяц только я один и два Хиви – Хильфшвиллиге эти. У меня их двое. Шельмы те еще и спиной к ним тоже поворачиваться не рекомендую, но воюют как звери за Великую Германию. Эй, Ганс, тащи сюда Фрица Шродера. Как там его задница? – рявкнул лейтенант и через минуту перед Отто вытянулся, оттопырив локти, гренадер – стрелок пехотинец.

– Ну-ка, Фриц. Повесели начальство. Расскажи, как тебе старушка зад вилами продырявила? – взглянул на него мрачно Карл.

– Герр лейтенант, сколько же раз уже... – попытался уклониться от чести быть услышанным еще раз Фриц.

– Сколько раз команду получишь, столько и расскажешь. А я сравню с предыдущей версией. Сдается мне, гренадер, что ты клепаешь на фрау, а у самого рыло в пуху и может уже совесть в тебе проснется, и признаешься ты... Каким образом довел старушку до состояния взбешенности. А ведь она взбесилась, а не сразу такой фурией вас встретила. Разве я не прав?

– Правы, герр лейтенант, – вытянулся еще пуще Фриц и

даже каблуками щелкнул, демонстрируя готовность душу отдать вместе с телом за Великую Германию.

– С самого начала давай. Въезжаете вы в село и к этой избе... Дальше сам, – скомандовал лейтенант.

– Подъехали. Поздоровались с фрау. Показали ей марки, как велено было и объяснили в подробностях, что и сколько у нее во дворе стоит. Сколько свинья, сколько молоко, сколько курица, яйца и прочая провизия, герр лейтенант. А она ни в какую. Прикинулась, что не понимает про свиней и курей. Я ей вежливо попытался объяснить, что, мать, давай сюда свинью, а получи за нее деньги. Много денег давал, герр лейтенант. Не понимает и все тут. И как быть? Решили действовать. Курт в хату зашел и стал там фураж собирать, а я в сарай заглянул. Две свиньи там оказалось. Одну я и решил приобрести в качестве фуражу. Застрелил и во двор вытащил. А свиньища кило под сто, едва выволок. Принялся свежевать, чтобы дерьмо лишнее не перемещать без пользы и слышу – в доме кто-то завизжал. Я и не понял сразу, что это Курт. Думал, что фрау скандалит по поводу стоимости. А тут и она выскочила на крылечко и хватать вилы эти. И как прыгнет на меня с ними наперевес, Я в сарай, она следом и кэ-эк,... прямо в зад.

Вот так все и было, герр лейтенант, – рядовой утер лоб пилоткой, совершенно забыв, что стоит перед начальством. Разволновался от нахлынувших воспоминаний.

– Дальше что? Куда старушка делась? – одернул его стро-

гим голосом лейтенант.

— Так куда..? Не могу знать, герр лейтенант. Сгинула со своего двора. В лес должно быть ушла. Я когда из сарая выполз, кровью заливаясь, ее уж и след простыл. И ведь винтовку мою с собой прихватила с подсумком и автомат Куртов с тремя рожками запасными тоже прибрала. Запасливая старушка попалась, герр лейтенант. А Курт... Бедный Курт. Как вспомню его физиономию обваренную, уснуть не могу, герр лейтенант. И за что? За что? Там у нее в избе и нет-то ничего ценного. А ошпарила, будто Курт у нее там сундук с золотом нашел, и присвоить захотел без спроса. Что? Как это так, герр лейтенант?

— Слышал, Отто?— взглянул на Киттеля Карл фон Лорингхофен.

— Боевая бабка,— не стал спорить Отто.

— Свободен, Фриц,— отпустил гренадера лейтенант.— А на счет старушек русских сам соображай, за что они виллы в твой зад норуют воткнуть. Пшел вон.

— Яволь,— щелкнул каблуками Фриц и исчез за плащ-палаткой, выполняющей роль дверей.

— Слышал?— кивнул ему вслед Карл.— Это только одна старушенция. А сколько их таких в этой стране? Ты только задумайся об этом, Отто. И тебе станет страшно там у себя в облаках. Мы побеждаем и при этом в полной заднице. Чем глубже лезем в эту страну, тем в большей заднице оказываемся. Фюрер, конечно, все обдумал и Европе надрал задницу

заслуженно, но... Вот тут бы ему и остановиться. Зачем, зачем он полез в эту Россию с проживающими в ней вот такими старушками? Отто, помяни мое слово. Все для нас здесь закончится очень и очень плохо. Где взять на каждую русскую старушку по солдату, Отто?

— Зачем нам приставлять к каждой старушке по солдату?— не понял Отто.— Используем для этого тех же Хиви, которые присягают лично Фюреру. Пусть караулят,— предложил он выход.

— Хиви? Ха-ха-ха. А кому, как ты думаешь, эта старая ведьма уволокла винтовку с автоматом? И поверь мне, Отто, эти Хиви ничем не лучше. Отвернись только. Немец должен в России спать с одним глазом открытым. И все равно в результате нагадят на голову. Хиви. Пока я стою рядом с этим Хиви с пистолетом у его виска — он воюет. Отвернусь, и он убежит. Застрелит и убежит в свой лес. В Сибирь. У них, Отто, есть куда убегать. В огромную эту Сибирь. Там всегда можно спрятаться хоть от всего мира. От Вермахта, от Люфтваффе, от Сталина ихнего рябого, от Дьявола. Поэтому они такие неуправляемые, непредсказуемые, нецивилизованные свиньи Отто. Им есть куда бежать. А нам куда? Куда, Отто?

Сейчас, лежа на русском поле, Отто вспомнил этот разговор, и ему стало неуютно под палящими лучами солнца. Приложившись к фляге, Киттель смочил пересохшие губы теплой водой и с тоской вспомнил ледяные струи лесного

ручья, в который он с удовольствием сейчас бы нырнул с головой.

Глава 4

Фоккер появившийся прямо перед медленно ползущим эшелонем не успел, как следует напугать паровозную бригаду, мелькнув с воем над эшелонем, и старший машинист выматерившись, отвел душу, выглянув в окно и проследив за ним взглядом.

– Сука, видит же что санитарный, ублюдок. И все равно поливает, подонки. Чтоб ты сдох, сволочь фашистская,— пожелал он немецкому летчику, зло сплюнув, а когда увидел, что ему вслед устремились советские машины, погрозил кулаком и проорал:

– Врежьте ему, гниде, как следует, мужики,— "мужики" не подвели и "врезали как следует", так что задымивший фоккер, завертелся над лесом и, сделав свечку, заваливаясь на левое крыло, вышвырнул из своей утробы летчика, повисшего под куполом парашюта, а машина им брошенная, повинуясь аэродинамике непредсказуемой, понеслась над верхушками деревьев, потянув за собой дымный след и возвращаясь в сторону санитарного эшелона. Догнала, мелькнув крестами на крыльях, и врезалась в несчастный локомотив, сбивая его своей массой с дорожного полотна.

Бригада паровозная ничего не успела сделать, сгорев мгновенно в этом столкновении, сопроводившись несколькими взрывами, опрокинувшими паровоз и следующие за

ним пару вагонов, также сошедшими с рельс. На счастье людей, находящихся в составе, железнодорожная насыпь в этом месте была не высокой, а скорость эшелона черепашьей, поэтому третий вагон всего лишь перекосился под углом в 45 градусов, оторвавшись правыми колесами, а четвертый уже и вовсе полноценно устоял на полотне, попрыгав и шандарахнувшись слегка с боку на бок. Во всем эшелоне, при этом, не обошлось без упавших с полок и получивших травмы различной степени, но в основном незначительных. Гораздо травмоопаснее оказалась ситуация в двух первых вагонах.

Особенно в первом, завалившемся полноценно и лежащем практически вверх колесами. Охваченный пламенем из сдетонировавших топливных баков фокке-вульфа первый вагон, взвыл на сотню голосов и из его окон поползли люди в бинтах и без того в основном беспомощные, а теперь еще и ошеломленные вагонными кульбитами.

Леньку, ехавшего во втором вагоне, все эти события застали в тот момент, когда он задремал, откинувшись осторожно на перегородку, чтобы не побеспокоить ноги однофамильца. Рев пронесшегося фоккера, заставила его вскочить на ноги и выглянуть в окно, вцепившись во фрамугу и высунув голову. Ничего особенного Ленька при этом не увидел, но любопытство это стопроцентно спасло ему жизнь, потому что выпущенный из пушки MGFF 20-ти миллиметровый снаряд прошел потолочное перекрытие вагона и разворотил перегородку между-купейную точно в том месте, где он только

что, пятью секундами ранее, дремал.

В результате никто не пострадал, но обрадоваться опять же ни кто не успел, потому что двумя минутами позже вагон подпрыгнул так, что ударил полом по ногам Ленкиным и, завалившись на бок, понесся со скрежетом, звоном и треском по грунту, загребая его кубометрами и засыпая пассажиров щебенкой и песком. Ленку швырнуло вперед и он, чувствительно приложившись о переборки спиной, взвыл от боли, теряя сознания и цепляясь за мелькнувшие мимо глаз стойки. Выкрашенные зеленой краской из вертикальных, они превратились в горизонтальные и Ленка вцепился обожженными руками в одну из них, повиснув как гимнаст на турнике и скрипя зубами, пытаясь перетерпеть обрушившуюся на него боль.

А вагон, дернувшись и скрежетнув особенно резко в последний раз, замер, заполнившись пылью и воплями пострадавших людей. Ленка попытался сделать вдох, и это ему удалось с трудом открытым ртом. "Как там старшина?", — мелькнула в голове у него первая здравая мысль и он попытался нащупать ступней что-нибудь, однако ноги скользили по опустевшим полкам не находя опоры и, продышавшийся он свесил голову, чтобы сориентироваться в пространстве. Пыль оседала, и из нее доносились стоны и взывания о помощи.

– Вышибай стекла над головой, — уже распоряжался кто-то. — Чего рот разинул? Помогай.

– Товарищи легкораненые, помогите своим товарищам покинуть вагон,— раздался голос Веры Сергеевны.— Без паники, товарищи, используйте в качестве подъемных средств одеяла. Связывайте их вместе. Стекла уцелевшие следует выдавливать, товарищи. Аккуратно и без паники, организовано помогаем друг другу,— голос майора пронесся по вагону, наполненный спокойствием и действие произвел успокаивающее на контингент.

– С этой стороны горим,— завопил кто-то со стороны примыкавшей при движении к паровозу и в подтверждение его словам к пыли прибавился дым, едкий и вонючий.

– Дави стекла,— рявкнул кто-то, перекрывая вопли и стоны.— Шевелись, мужики.

Ленька, отдышавшийся и проморгавшийся, спрыгнул вниз на боковую стенку с высыпавшейся фрамугой и обнаружил там старшину скрюченного и без сознания. Спрыгнув рядом с вывороченным оконным проемом, Ленька склонился над ним и, услышав хриплые стоны, попытался вытащить его за плечи, чтобы освободить раненые ноги и это у него с трудом получилось. Однофамилец оказался неожиданно неподъемным, и ворочать его оказалось не просто.

– Одному мне тебя отсюда не вытащить, дядь Вань,— признался ему Ленька и услышал в ответ хриплое:

– Сам выползай, давай. Обо мне потом думать будешь. Набегут чай кто-нибудь. Не оставят тут загибаться. Соседа сверху отстегни, не забудь. Задохнется мужик.

– Сейчас, я сейчас...– засуетился Ленька и принялся рвать пристяжные ремни, фиксирующие висящего сейчас вниз головой того самого соседа. Сопящего тяжело и пускающего уже кровавые пузыри из открытого рта. Разобравшись с "соседом" и пристроив его рядом со старшиной, он освободил и лежащего на соседней второй полке. Этот признаков жизни не подавал и Ленька, приложившись к его груди ухом, понял, что помощь ему уже не требуется.

– Помоги, браток,– раздался голос у него над головой и Ленька, удивленно задрав голову, обнаружил еще одного зафиксированного на боковой полке. Одна нога у него уже болталась, набухая сквозь повязки кровью, а вторая запуталась в ремне, и солдатик пытался ее освободить, извиваясь со стонами. С этим Леньке пришлось повозиться особенно долго и при этом тот так чувствительно ухватился за его руки, что Ленька взвыл от боли, но не выпустил его из объятий, пока не переместил все на ту же боковую стенку вагона и не пристроил рядом с уже лежащими там. При этом он оступился и упал в оконный проем, провалившись в щебенке по колено. Зашиб его при этом о край металлический так чувствительно, что боль новая почти перекрыла предыдущую. Матерясь и шипя от боли, Ленька схватился за ушибленное колено и присев, обнаружил, что снизу чувствительно сквозит.

– Братцы, здесь яма,– заорал он, забыв про боль и, принялся расшвыривать грунт, расширяя отверстие. Встав затем на четвереньки, Ленька принялся грести и через минуту вы-

брался из вагона.

— Ура!— обрадовался он, забыв про боль в травмированном организме, и нырнул обратно в проделанную им нору. Еще пять минут у него ушло на то, чтобы расширить ее до размеров совсем приличных и первым выволоч на свет Божий однофамильца старшину. Вытащил, огляделся по сторонам и понял, что повезло вот таким образом со складками местности не одному ему. Вагон завалился боком на насыпь и в паре мест пассажиры из него выбирались таким же манером. Стелился дым по земле, лениво размазываемый легким летним ветерком по окрестностям и наверху во всю уже шли спасательные манипуляции. Люди покидали вагон частично горящий, но его уже забрасывали грунтом и чад от горящей краски и перегородок, добавлялся в дымовую завесу.

Вытащив оставшихся троих, Ленька не поленился и, смотавшись еще несколько раз, вышвырнул из норы сидоры с имуществом. Всего их оказалось десятков, столько же шинелей в скатках, которые Ленька так же не поленился вытолкнуть из норы. Выбравшись в последний раз, как он думал, Ленька свернул "козью ногу" и с чувством выполненного долга, закурил.

— Спасибо, земля,— прохрипел лежащий рядом с ним тот самый боец, что ободрал с него повязки.— С меня пол-литра.

— Не забудь,— попробовал отшутиться Ленька и зашипел от прикосновения к его травмированным конечностям.

— Дай курнуть, земля, и с меня литр,— похлопал его ле-

гонько боец, и Ленька сунул ему в губы сигарку.— На, кури. Только не хлопай больше по болячкам моим своей клешней антисанитарной. Душевно тебя прошу,— скрежетнул зубами Ленька.

— Извини, земля,— прохрипел сконфуженно боец.— Тебя как звать? Меня Серегой.

— На Леньку откликаюсь,— представился и Ленька, скрипя зубами. Боль в местах обожженных стала нестерпимой, и его прошибло ознобом.

— Сейчас, Лень, санитары подгребут из соседних вагонов, перевяжут. Главное — живы остались,— Серега затянулся дымом и, закашлявшись, пожаловался.— А мне вон ноги осколками посекло и один гад под ребра залетел. Самый поганый оказался. Дышать не могу нормально. Швы трещат. Чуть курить не бросил.

— Не повезло,— посочувствовал ему Ленька.— Потерпи чуток и все заживет. Тогда-то уж и накуришься, а пока терпи.

— Терплю. Куда деваться? А вот этому пареньку не повезло совсем. Отмаялся,— Серега бережно прикрыл лицо умершего бойца вафельным полотенцем, выдернув его из попавшего под руку сидора.

— Схожу за санитарями,— поднялся Ленька на ноги и, вернувшись через пять минут, сообщил друзьям по несчастью:

— Не до нас им. Там в первом вагоне вообще кошмар что творится. Вот бинтами разжился и зеленкой. Сами перевяжемся как-нибудь. С той стороны уже ремонтники прикати-

ли, сейчас расцепят где надо, подгонят паровозик и поедем дальше через часок, другой. Полотно совсем не пострадало. Промазал Фриц. Лишь бы снова не налетели. Майор велела не паниковать, оказывать друг другу помощь и ждать команды на погрузку. Отползти еще велела от вагона. Сейчас тягач подгонят Т-34-ый и оттащат вагоны. Пылит уже от станции. Здесь рядом, в двух верстах. Я бы и пешком дошел. А вам придется потерпеть, братцы. Перевяжи, Серега, мои клешни и будем выполнять указание товарища майора.

Двух часов дорожникам не хватило на устранение последствий крушения, не хватило и трех, и только к вечеру оставшиеся вагоны удалось сдвинуть с проклятого места подошедшему сзади эшелону. На станции Щигры не оказалось свободного паровоза и свободных вагонов для перегрузки увечных и раненых, выгруженных из двух первых вагонов. Пришлось загружать тяжелораненых в оставшиеся – не поврежденные, выгрузив из них легкораненых. Пока вся эта толкотня и суeta продолжались, солнце стало опускаться к горизонту.

– Товарищи легкораненые, двигайтесь в сторону станции – это совсем рядом. Там вы получите пищевое довольствие и будете ожидать дальнейших указаний, – обратилась к бойцам майор на прощанье и вагоны залязгали в сторону Щигрей, растворяясь в вечерних сумерках.

– Понятно, что в сторону станции, не на запад же шлепать, – проворчал Ленька, распрощавшийся с Серегой и Ива-

НОМ.

– Пол литры у меня сейчас нет, Лень. Потом как-нибудь, после войны встретимся и отметим. Возьми пару банок тушенки в моем мешке вместо пол литры. Нас-то накормят скоро по любому, а вам еще вон сколько тащиться до станции и потом, как там сложится одному Богу известно. Бери, бери, не стесняйся, – Серега сунул в руки Леньке банки и помахал с носилок на прощанье рукой.

А старшина однофамилец, впавший в забытие, и вовсе с Ленькой не попрощался. Кинул ему в ноги его сидор со скаткой Ленька, шепнув на прощанье:

– Выздоровливай, дядь Вань, – в ответ услышал невнятное мычание и, вздохнув, отправился к месту сбора остающихся в поле легкораненых. Командовал здесь тот самый капитан гвардейского роста и, построившись в колонну по три, сводная, увечная рота, побрела в сторону станции, цепляясь друг за друга.

– Шире шаг, – попробовал подбодрить бойцов капитан и услышал в ответ из строя столько матерщины сразу и такой разнообразной, что счел за лучшее промолчать и более не командовать. Два пройденных до станции километра показались Леньке бесконечными, и когда в сгустившихся сумерках рота добрела до первых изб и без команды повалилась с ног под заборы, он тоже упал и с удовольствием свернул сигарку.

– Товарищи бойцы, нам придется остаться здесь до рас-

света. Блуждание в потемках, по населенному пункту, считаю нецелесообразным,— обратился к раненым капитан.— На этом подворье я вижу колодец, рекомендую им воспользоваться, для пополнения запасов питьевой воды и далеко не разбредайтесь. Место сбора здесь.

— Спасибо, Серега,— помянул добрым словом Ленька своего попутчика давешнего, распуская лямки сидора и вынимая из него банку с тушенкой и котелок с сухарями. Выплывшая на небосклон ущербная луна, неожиданно довольно ярко высветила унылую реальность, наполненную стонами, приглушенными голосами и скрипом колодезного ворота с толпящимися рядом с ним людьми.

Угнездившийся рядом боец с подвязанной рукой, молча протянул ему нож, и Ленька, молча приняв его, с удивлением отметил, что это кинжал немецкий, но промолчал, пожав плечами и вскрыв свою, вернул так же молча его обратно. Сил на разговоры и желание разговаривать, просто не было.

— Мою ковырни,— попросил боец, протягивая ему такую же стандартную армейскую банку и отстраняя ей протянутый нож.— Одной рукой — несподручно.

— Угу,— Ленька вскрыл скользкую от солидола посудину и, поставив ее перед бойцом, не удержался и спросил, возвращая нож.— Трофейный?

— На пять пачек махры выменял. Эсэсовский — динсдольх называется. Привезу домой, буду свиней им колоть,— ото-звался боец, воткнув трофей в землю по рукоять.— Умеют

фрицы ножи делать. Лезвие держит, как бритва.

– Умеют. Сухари будешь?– Ленька подвинул в сторону бойца котелок с сухарями.– Сам откуда будешь? Меня Ленькой зовут.

– Александр. Саня. Я из Новгорода. Не, сухари не хочу. У меня еще полбуханки ржанухи есть. Хочешь?

– Давай,– Ленька взял протянутый ему ломоть хлеба и принялся за тушенку.– Почти земляки мы с тобой. Я из Ленинграда.

– Ага. Лаптем по карте,– хмыкнул Саня.

– Ну, уж и лаптем. Рядом совсем. Лаптем – это какой-нибудь Мурманск или Свердловск. А Новгород, Псков, Луга – это, если на глобусе смотреть, то сантиметр какой-нибудь,– Ленька выскреб остатки тушенки и, запив ужин водой из фляги, потряс ее.– Кончается родниковая, переходим на колодезную.

– Колодезная – тоже родниковая. А вот в этом вообще ледяная. Цепь метров тридцать. Представляешь, сколько ковыряться пришлось хозяину?

– Не повезло мужику от избы одни головешки остались,– посочувствовал хозяину колодца Ленька.

– А тут всем не повезло. Два раза фронт через село прокатился. Одни трубы торчат. Я через эти Щигры днем проезжал, пепелища сплошные,– Саня протянул Леньке свою флягу.– Попробуй.

– Класс,– оценил Ленька, сделав пару глотков.– Обяза-

тельно наберу утром.

— Капитан нам попался с шилом в заднице, поднимет ни свет, ни заря и к колодцу тогда хрен протолкаешься. Советую запастись сейчас, пока все дрыхнуть завалились,— посоветовал Санька.

— Уговорил. Сразу видно, что ты, Сань, из пехоты,— Ленька поднялся, кряхтя и отправился к колодцу, бросив через плечо сидящему Саньке:

— Не уходи никуда, пригляди за мешком, чтобы не сперли. У меня там портянки ценные, первой категории, байковые.

— Ха-ха-ха,— отозвался из темноты свежее-обретенный приятель и когда минут через пять Ленька вернулся к нему, он уже сопел носом с вещмешком под головой, завернувшись в шинель. А вот поспать в эту ночь им, к сожалению, не удалось. Только Ленька прилег рядом с Саней, как в небе загудели ночные немецкие бомбардировщики. Летом 1943-го советские асы, в буквальном смысле этого слова, сбросили их с неба в дневное время суток и господствовали там, превосходя по численности. Однако задачи боевые следовало выполнять, и командование Люфтваффе прибегло к тевтонской хитрости, принялась наращивать ночные бомбежки стратегически важных объектов.

Железнодорожных, узловых станций в том числе. И Щигры, таковыми являясь, именно в эту июльскую ночь с 13-го на 14-е июля подверглись массированной атаке сверху. ПВО на этом объекте не располагало, к сожалению, средствами

обнаружения противника световыми, в виде прожекторов и стервятники Геринга практически безнаказанно сыпали на станцию свой смертоносный груз, правда, тоже практически наугад. Перепахивая всю округу в радиусе пяти километров от узловой и превращая и без того безжизненный ландшафт поселка, в лунный.

Загремевшие взрывы совсем рядом раздавшиеся, подняли роту инвалидную на ноги, и бойцы заметались в потемках, впадая в панику.

— Товарищи раненые, сохраняйте спокойствие,— раздался командирский рев капитана.— Немец бомбит станцию и сюда на окраину может упасть только случайная бомба, поэтому организованно отходим вон в то поле и там пережидаем налет. За мной марш,— проорал он это все на одном дыхании, и личный состав согласился с принятым им решением, загремев каблуками вслед за командиром. В поле пшеничном, за неимением леса, укрываться все же гораздо разумнее, чем сидеть среди развалин в ожидании этой случайной бомбы, которую какой-нибудь фриц сбросит тебе на голову вместо того чтобы вывалить ее куда следует.

Так подумал личный состав, стимулированный взрывом бомбы и вовсе рядом раздавшимся. Бомба угодила в подворье с колодцем и добавила всем оставшимся в живых энтузиазма. Поле встретило роту сводную шорохом колосьев и способное укрыть сводную дивизию, эту горстку людей приняла вполне благожелательно.

– Далеко не разбредаться, товарищи. Рассветет, и отправимся на станцию. Я надеюсь, что фрицы не повредят ее настолько, чтобы этот налет помешал нам эвакуироваться,— напомнил громогласно капитан предстоящую боевую задачу и бойцы скучковались вокруг него, образовав темное пятно на фоне соломенном. Однако капитан ошибся. Оптимизм его в этот раз, ни на чем не основанный, не подтвердился. Попали бомберы удачно несколько раз, судя по грохоту, начавшемуся после того, как они вывалили из своих бомболюков все до последней бомбы.

Возможно, что именно пара последняя и попала удачно в вагон с боеприпасами. Сдетонировавшие боеприпасы подняли столбы пламени до облаков и засыпали своими, беспорядочно разлетающимися фрагментами все окрестности станции — поле в том числе.

– Щели следовало отрыть,— поздно сообразил Санька, вжимаясь в землю рядом с Ленкой.

– Чем?— прохрипел тот, а вокруг уже горела пшеница от залетевших на поле фрагментов вагонных.

– Рота-а-а!— заорал сообразительный капитан.— Встать! Из очагов возгорания, бегом марш!— команда всем показала своевременной и рота, вскочив на ноги, помчалась по полю со спринтерской скоростью, перепрыгивая через эти очаги, в сторону диаметрально-противоположную несчастной станции, которую окончательно разносило взрывами снарядными.

Родными, но от этого не ставшими по отношению к родным просторам менее убойными, чем те, что изготовлены на чужбине. Промчавшись за пять минут пару километров, которые накануне вечером роте казались бесконечными, бойцы попадали с ног рядом с оврагом, затянутым масксетью, и путь в который им преградили выскочившие из него люди с винтовками.

— Стой,— рявкнули от оврага, и рота дисциплинированно рухнула им под ноги.

— Кто такие? Почему драпаете?— задал вопросы своевременные, голосом прокурорским старший из оцепления охранного и капитан принялся ему объяснять вполголоса, почему сводная рота так поспешно меняет место дислокации.

— Видим, что станция к чертям собачьим рвется,— принял его объяснения старший и скомандовал.— Хрен с вами, валйтесь здесь пока, но чтобы, чуть рассветет, убрались к чертовой матери и не демаскировали нас. Ясно, товарищ капитан?

— Так точно, товарищ майор,— козырнул капитан и продублировал его распоряжение:

— Привал, товарищи бойцы, до рассвета.

Отто Киттель, дождавшийся наступления темноты, подполз к оврагу самым кратчайшим путем, но приглядевшись к месту в лучах "волчьего солнышка", не рискнул пересечь его в этом месте. Слишком интенсивно здесь кипела ночная

жизнь, по его мнению. Бойцы, отоспавшиеся за день, носились как ошпаренные, подгоняемые командами и Отто пополз вдоль оврага, надеясь обнаружить брешь более спокойную. Однако это ему не удалось. Похоже, что овраг шевелился весь, на всем своем протяжении.

– Доннер Веттер,– бормотал Отто, облизывая пересохшие губы, сплевывая тягучую слюну и, когда в небе ночном прогудели родные бомбардировщики и принялись долбить станцию, искренне обрадовался в надежде, что овраг хоть на какое-то время уgomонится, отвлекшись из любопытства на этот грохот. Овраг действительно замер и из него даже выползли его обитателя поглазеть на зарево и чуть не обнаружили затаившегося у его края Киттеля. Отто едва успел отползти обратно в поле. Медленно пятясь, он решил описать дугу и выйти левее этого места, слишком насыщенного любопытными обитателями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.